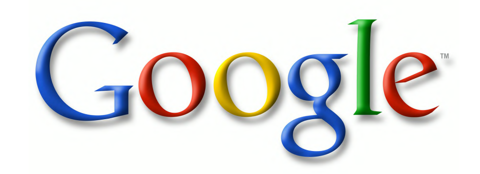
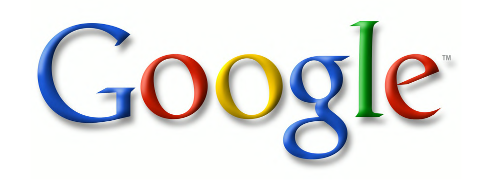
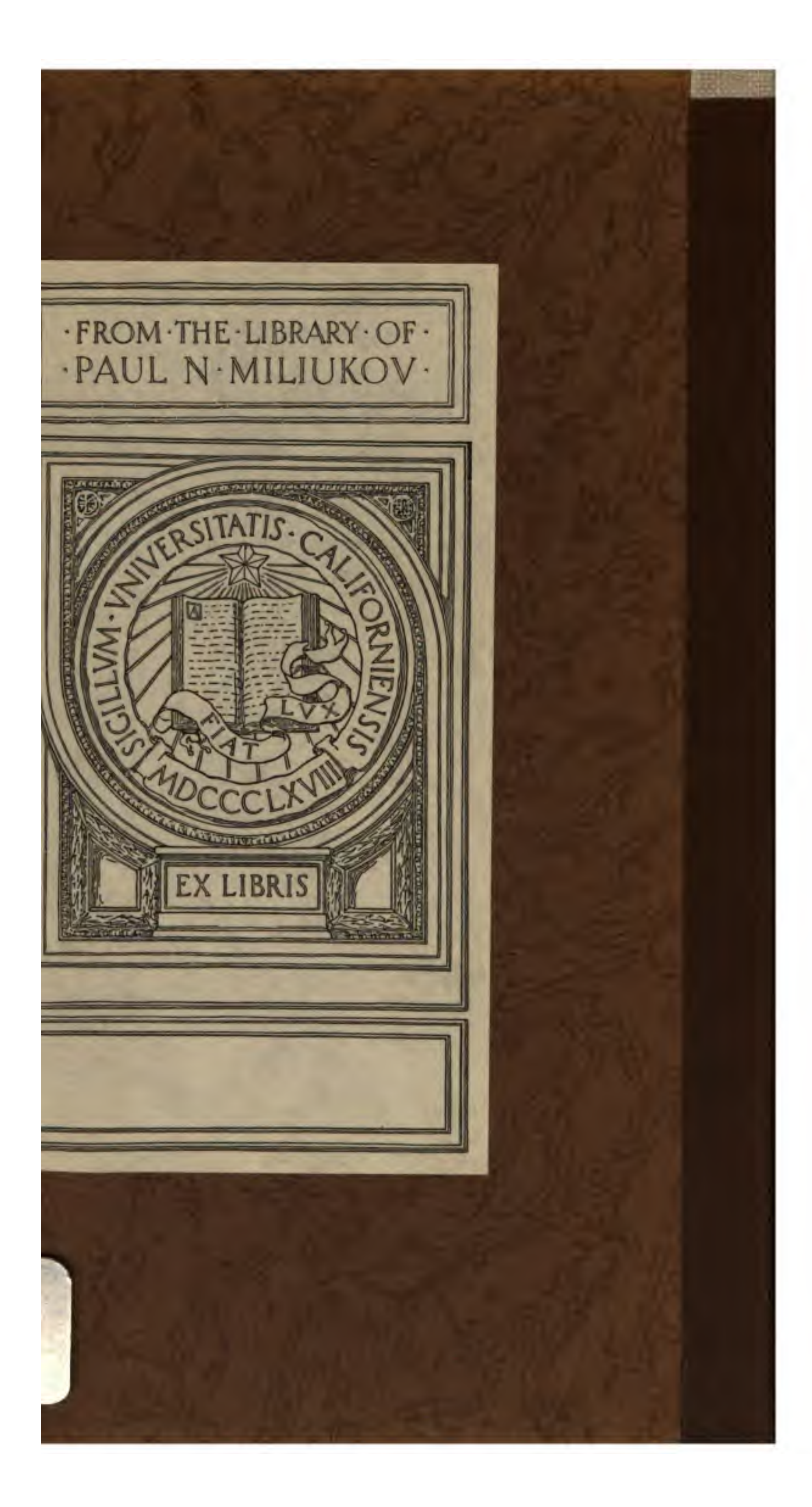




VEGA



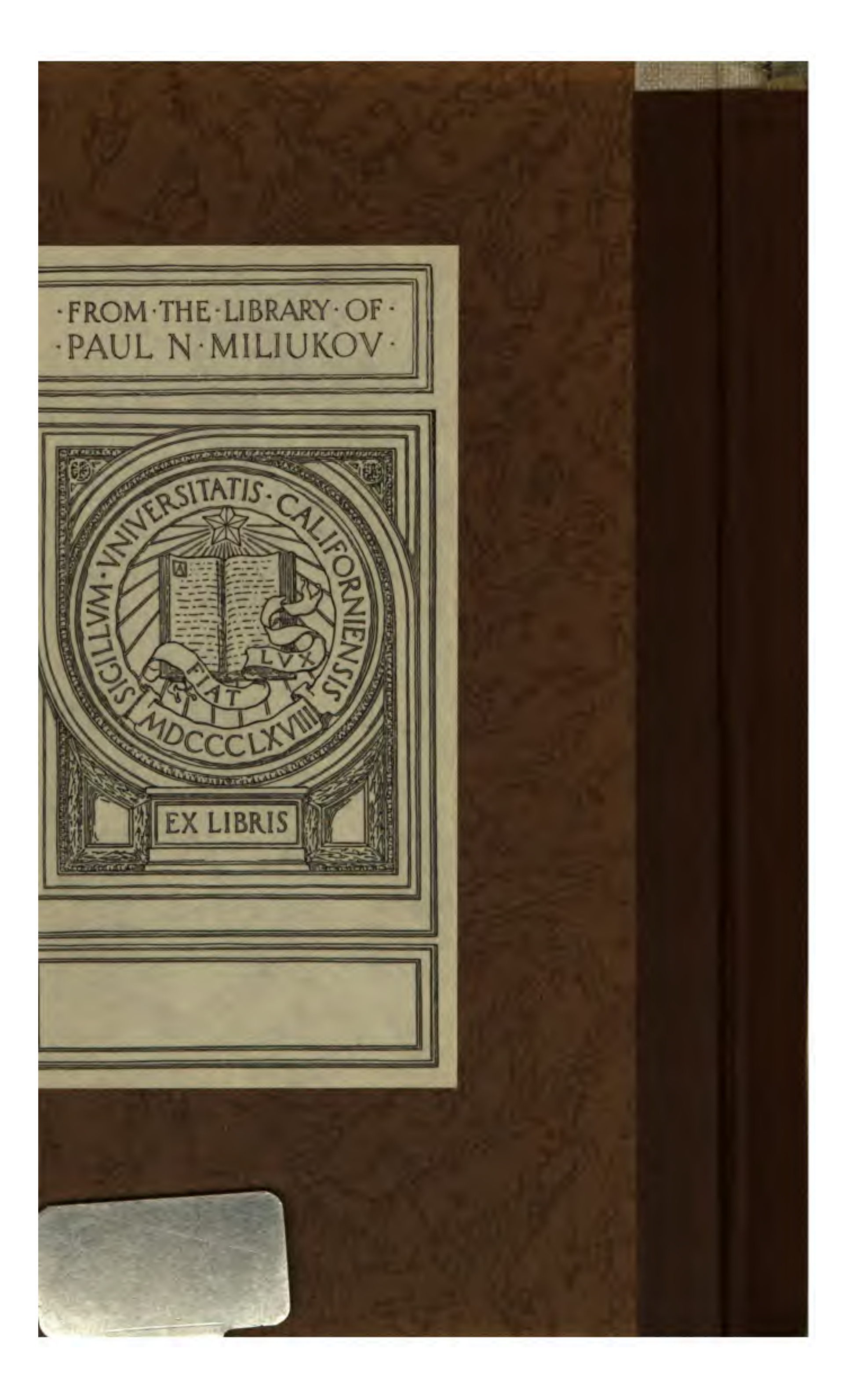
·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·
SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Вега

Прибалтійская

Смута

С.-Петербургъ
Изданіе А. С. Суворина
1907


·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·
SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Vega

Вега

Pribaltiiskaia

Прибалтійская

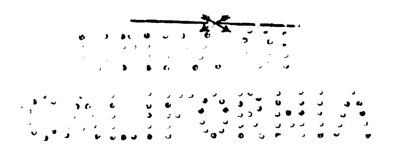
Smuta

Смута

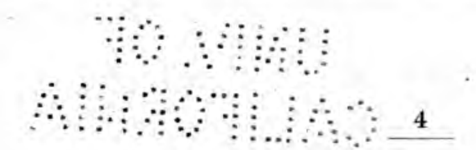
С.-Петербургъ
Изданіе А. С. Суворина
1907

Вега

Прибалтійская Смута



С.-Петербургъ
Изданіе А. С. Суворина
1907



граничныхъ изданій по этому вопросу. Нѣмецкія агитаціонныя брошюры, излагавшія ученіе, были переведены на латышскій и эстонскій языки. Нѣкоторыя нелегальныя латышскія газеты прогрессивнаго направленія слѣдили за наростаніемъ рабочаго вопроса на Западѣ, помѣщая замѣтки по поводу той или иной фазы его развитія. Кромѣ того можно было безъ труда достать «Leipziger Volkszeitung», «Der Wahre Jacob» и выписывать «Die Neie Zeit», періодическія изданія нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Нѣкоторое вліяніе оказали латышскіе и эстонскіе ремесленники, пожившіе въ Германіи на заработкахъ, а также и немногіе нѣмецкіе эсъ-деки, жившіе въ Прибалтійскомъ краѣ. Значительную помощь принесли существовавшія на законномъ основаніи пѣвческія общества, различные союзы взаимопомощи,—вообще общественныя организаціи, имѣвшія и имѣющія и до настоящаго времени большое распространеніе въ краѣ.

Въ то время (90 г. г.) движеніе не имѣло еще политическаго характера, пропаганда велась исключительно на экономической почвѣ. Но послѣ сравнительно краткаго подготовительнаго періода руководители объединили наиболѣе революціонно настроенные слои мѣстнаго пролетаріата въ соціалъ-демократическую организацію.

Въ теченіе 1896—1897 г. г. въ Ригѣ и Либавѣ, главнѣйшихъ промышленныхъ центрахъ Прибал-

тійскаго края, устраивались многочисленныя массовки и успѣшно проводились празднованія рабочаго праздника 1 мая. Движеніе обратило наконецъ на себя вниманіе властей. Были приняты мѣры. Но онѣ имѣли характеръ преслѣдованія и карательный, но не предупредительный. Поэтому движеніе не прекратилось, рабочіе продолжали организовываться и въ 1899 г. произошелъ новый рядъ рабочихъ волненій. Ихъ уже пришлось подавить вооруженной силой. Въ результатѣ среди рабочаго элемента явилось ясное представленіе о необходимости крѣпкой и дружной организаціи для борьбы съ властями, на сторонѣ которыхъ была сила всего государственнаго строя имперіи. Отсюда, какъ логическое слѣдствіе, вытекла и идея о необходимости переноса борьбы на политическую почву.

Въ 1902 г. среди рабочихъ впервые стали распространяться прокламаціи латышскаго соціалъ-демократическаго комитета. Въ этомъ же году возникли организаціи: курляндская соціалъ-демократическая группа, виндавскій, либавскій и тальсенскій комитеты. Въ іюнѣ 1904 г. работавшіе въ одиночку организаціи объединились на первомъ всеобщемъ конгрессѣ латышской соціалъ-демократической рабочей партіи. Тогда же было опредѣлено отношеніе этой партіи къ существующимъ въ имперіи другимъ революціоннымъ организаціямъ. Въ отношеніи къ россій-

а экономически стали еще болѣе обездоленными. Только послѣ 1860 года, когда законъ отмѣнилъ барщину, земля стала понемногу переходить въ собственность крестьянъ. Но переходъ этотъ шелъ весьма туго. Неравномѣрное же распредѣленіе земли привело къ тому, что большинство крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ явилось безземельнымъ, что повело къ образованію безземельнаго пролетаріата, недовольнаго своимъ положеніемъ. Недовольными остались и арендаторы и мелкіе собственники крестьянской повинностной земли. Покупная цѣна и арендныя деньги оказались очень высокими и мелкіе землевладѣльцы, будучи обременены вслѣдствіе этого большими долгами, очутились въ непосильно тяжеломъ положеніи. Правда, иногда человѣчный помѣщикъ продавалъ землю сходно, но случаи подобныхъ продажъ бывали весьма рѣдки. А встрѣчались и такіе факты: тогда какъ въ смежной волости помѣщикъ продавалъ крестьянамъ усадьбу по 60 р. за талеръ, сосѣдъ его отдавалъ землю по 250 р. за талеръ, причемъ предварительно вырубалъ въ свою пользу лѣсъ. Въ результатѣ купившіе при такихъ условіяхъ усадьбу крестьяне не были въ состояніи ихъ выкупить и дѣло кончалось продажей съ молотка. Такъ, напр., въ 1894 году въ двухъ уѣздахъ Лифляндской губерніи продавалось за долги съ торговъ 559 крестьянскихъ усадебъ. Конечно подобные годы по-

ставляли новыхъ бойцовъ въ недовольную безземельную пролетарскую армію. Кажется не будетъ большой ошибкой признать, что такое пополненіе прибывало ежегодно.

Крестьянинъ, купивъ усадьбу у помѣщика, велъ свое хозяйство, засѣвая цѣлину преимущественно льномъ. Интенсивнаго хозяйства онъ не могъ вести вслѣдствіе недостатка оборотнаго капитала; всѣ свои наличныя деньги онъ долженъ былъ отдать на уплату долга помѣщику. Но поля мало по малу истощались льномъ. А такъ какъ къ 90-мъ годамъ цѣны на всѣ сельскіе продукты упали, а цѣны на рабочія руки поднялись вслѣдствіе подъема промышленности въ краѣ, то положеніе крестьянина стало очень тяжелымъ. Ко всему этому присоединился рядъ неурожаевъ, недостатокъ зимней работы и соотствующаго заработка. Лѣтней работы прибавилось, а зимняя сократилась; экономическимъ слѣдствіемъ явилось то, что батраки, нанимаемые только на лѣто, стали требовать такой платы которой хватило бы и на зимнюю безработную пору. Многіе батраки спасались отъ этой безработицы тѣмъ, что уходили въ городъ, на фабрику, гдѣ и оставались уже навсегда. Такимъ образомъ въ деревнѣ возникъ недостатокъ рабочихъ рукъ, возрасли требованія батраковъ, а пропорціонально съ ними возрасла и задолженность крестьянъ-землевладѣльцевъ. Задолженность эту

въ Лифляндіи осложнило еще одно обстоятельство, именно то, что закономъ было запрещено дѣлить крестьянскія усадьбы на участки менѣе 10 талеровъ, вслѣдствіе чего старшему наслѣднику приходилось выплачивать соотвѣтствующія части деньгами, которыя нужно было доставать изъ крестьянскихъ сберегательныхъ кассъ на короткіе сроки.

Положеніе арендаторовъ крестьянскихъ усадебъ было ни чуть не лучше положенія собственниковъ; оно ухудшалось еще краткосрочностью арендныхъ договоровъ. Вознагражденіе за ремонтъ и меліорацію, сдѣланные арендаторомъ, почти совсѣмъ не обезпечивалось; напротивъ, почти во всѣхъ договорахъ есть оговорка, въ силу которой помѣщикъ отказывается отъ всякаго вознагражденія за меліорацію. По истеченіи же срока аренды плата за улучшенную усадьбу зачастую увеличивалась. Лѣсъ, растущій на крестьянскомъ участкѣ, помѣщикъ считалъ не принадлежащимъ къ усадьбѣ и не входящимъ въ доходы арендатора, что послѣдній принималъ за величайшую несправедливость. Кромѣ того положеніе арендатора осложнялось еще и тѣмъ, что послѣ его смерти договоръ считался по закону уничтоженнымъ.

Положеніе же батраковъ въ крестьянскихъ усадьбахъ и понынѣ настолько тяжело, что имъ положительно невозможно обзавестись семьей, и

семейные рабочіе должны переходить на мызы, хотя условія мызной платы менѣе выгодны.

Каждый крестьянинъ долженъ былъ непремѣнно быть приписаннымъ къ какому-нибудь крестьянскому обществу, независимо отъ того, гдѣ онъ проживаетъ, волость была приписной. Расходы по волости покрывались прямыми налогами, взимаемыми со всѣхъ работоспособныхъ мужчинъ зрѣлаго возраста. Пока большинство проживало въ волости, недостатковъ такой податной системы не замѣчалось. Но съ переселеніемъ многихъ членовъ волости въ города и другія губерніи недостатки эти стали обнаруживаться весьма существеннымъ образомъ.

Фабрика, городъ, мыза, торговыя и промышленныя заведенія эксплоатировали крестьянское общество, не помогая ему ни на грошъ. На приписной волости лежала непосильная задача и тѣ члены ея, которые не могли изъ нея выписаться, бѣднѣли съ каждымъ новымъ днемъ.

Ко всему сказанному нужно еще прибавить преимущество мызной земли передъ крестьянской и привиллегіи помѣщиковъ (право рыбной ловли, право продажи лѣса, право охоты, право торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, открытія пивоваренъ, корчемъ и винокуренныхъ заводовъ и пр.); ясно, что недовольство крестьянъ своимъ положеніемъ представляло благодарную почву для агитаціи всякаго рода. Крестьяне не въ

состояніи были защищать законнымъ путемъ свои интересы, такъ какъ не имѣлось ни соотвѣтствующей организаціи, ни соотвѣтствующихъ инстанцій. Начальство часто мѣнялось и было совершенно не ознакомлено съ истиннымъ положеніемъ вещей. Проекты реформъ, если таковые и появлялись, застревали въ Петербургѣ. Такимъ образомъ крестьяне потеряли довѣріе къ властямъ и законному пути дѣйствій и легко поддались призыву соціалистовъ: «взять, а не просить». Призомъ должно было служить мѣстное самоуправленіе.

Со стороны мѣстной власти не было ничего, что можно было-бы противопоставить агитаціи. Внѣшній авторитетъ, власть полицейская, внезапно исчезли, какъ лопнувшій мыльный пузырь. Внутренняго же, нравственнаго, авторитета не оказалось ни у кого въ цѣломъ краѣ.

Дворянство? Помимо ряда вѣковыхъ несправедливостей оно вело замкнутую и обособленную жизнь и никогда, за весьма малыми исключеніями, не входило въ интересы, даже минимальные, крестьянства.

Церковь? Но протестанская церковь въ краѣ тоже вела совершенно обособленную отъ народа жизнь. Громадное большинство пасторовъ были нѣмцы, совершенно не сродные съ приходами, плохо знавшіе мѣстный языкъ и совершенно не изучавшіе жизни и нуждъ своихъ прихожанъ.

Кромѣ того дѣло усуглублялось такъ называемымъ правомъ патроната. Право это заключалось въ томъ, что владѣлецъ мызы имѣлъ фактическую власть назначить пастора по своему выбору изъ кандидатовъ, сдавшихъ экзаменъ при консисторіи. Этимъ правомъ помѣщики пользовались, совершенно не сообразуясь съ желаніемъ прихожанъ, что, конечно, отчуждало прихожанъ отъ церкви и вызывало иногда серьезное противодѣйствіе. Въ концѣ 80-хъ годовъ произошли на этой почвѣ печальныя событія въ нѣкоторыхъ приходахъ Лифляндской губерніи. Населеніе отказалось принять избранныхъ патронами и назначенныхъ евангелическо-лютеранской консисторіей пасторовъ и оказало сопротивленіе при вводѣ ихъ въ должность. Особенно рѣзкую форму приняли событія въ Шванебургскомъ и Берзонскомъ приходахъ. Консисторія подняла великій шумъ, усмотрѣвъ въ волненіи признаки систематической агитаціи противъ нѣмецкихъ пасторовъ; она требовала даже содѣйствія военной силы для ввода пасторовъ, надѣясь, вѣроятно, на «суммарныя наказанія» при помощи русскихъ солдатъ, что практиковалось въ доброе старое время. Во всякомъ случаѣ пришлось прибѣгнуть къ полиціи. Было назначено слѣдствіе, но никакой преступной агитаціи не обнаружилось.

Исторія Лифляндіи не насчитываетъ ни одного случая, когда лютеранское духовенство было бы

за народъ и противъ нѣмецкой партіи. Въ преслѣдованіи общихъ интересовъ духовенство это и дворянство въ теченіе 700 лѣтъ согласно шли рука объ руку противъ народа, причемъ руководство евангелическо-лютеранской церковью находилось всецѣло въ господскихъ рукахъ. «Нѣтъ протестанской страны, быть можетъ вообще никакой страны, которая давала бы такой примѣръ высокомѣрія духовнаго сословія, какъ мое бѣдное отечество,—пишетъ Гарлибъ Меркель.—Гдѣ пастырь смотритъ свысока съ явнымъ презрѣніемъ на свою паству? Гдѣ соединяется онъ съ дворянствомъ, что бы ее притѣснять? Это привиллегія Лифляндіи»... Хорошей иллюстраціей къ сказанному является то обстоятельство, что пасторъ и теперь еще зовется во многихъ мѣстахъ «Kirchenherr» и владѣетъ повсемѣстно крупнымъ земельнымъ участкомъ. Сельскіе пасторы очень рѣдко показывались на кафедрѣ. Крещеніе дѣтей совершалось только у благородныхъ жителей; крестьянскихъ же крестилъ кистеръ или церковный служитель, который передавалъ пастору свидѣтельство о совершенномъ крещеніи для внесенія въ церковную книгу. Погребенія продѣлывались точно такимъ же образомъ. Вообще пасторы чувствовали себя большими господами и жили если не баронами, то во всякомъ случаѣ довольными и сытыми помѣщиками. Давно уже сказано, что сытый голоднаго не разумѣетъ; по-

этому такое положеніе вещей, конечно, не служило къ сближенію ихъ съ населеніемъ. О служеніи же Христу, въ широкомъ и даже въ узкомъ смыслѣ этого понятія, никто и не помышлялъ. Нѣмецкое иго было тяжелѣе монгольскаго; но пасторы были всегда на сторонѣ сильнѣйшихъ. Недоброе сѣмя принесло и недобрые плоды, которые сказались въ полнѣйшемъ крушеніи авторитета лютеранской церкви въ Прибалтійскомъ краѣ.

Немного лучше обстояло дѣло и съ православіемъ, но по совсѣмъ инымъ причинамъ. Какъ это ни странно, но православная церковь была долгое время гонимой въ этомъ краю, давно уже принадлежащемъ русской коронѣ. Былъ случай вывоза православнаго епископа изъ Риги. Губернскія власти окружали домъ его переодѣтыми солдатами. Былъ строго наказанъ человѣкъ, указавшій жилище его латышу. «Die russiche Poppen»оказались въ совершенно несвойственной имъ роли страшнаго пугала, готоваго ниспровергнуть господствующую лютеранскую церковь, а съ ней и крѣпкіе устои государственности. Движеніе 1841 года разсматривалось какъ народный бунтъ, охватившій весь Остзейскій край, причемъ руководителями этого бунта были архіерей Иринархъ съ его попами. Были наряжены слѣдственныя комиссіи, назначены военныя экзекуціи. Однако солдаты и казаки, выступившіе

противъ бунтовщиковъ, нигдѣ ихъ не нашли. А православное духовенство оказалось въ этомъ движеніи не при чемъ и графъ Протасовъ имѣлъ полное основаніе доложить Государю Императору, что «дѣйствіе православнаго духовенства, по произведенному изслѣдованію, явилось безукоризненнымъ, а было, какъ извѣстно, поводомъ къ явной на него клеветѣ и къ нелѣпымъ обвиненіямъ въ возмущеніи крестьянъ». Все сказанное относится къ временамъ давно прошедшимъ; но эти времена не остались безъ вліянія и на нынѣшнія и не способствовали возвышенію авторитета церкви. Разбросанность православнаго населенія и отдаленность жительства прихожанъ отъ церкви, безземельность и бѣдность большинства изъ нихъ, зависимость отъ мѣстныхъ помѣщиковъ и арендаторовъ, окружающая среда иновѣрныхъ, большинство которыхъ относилось къ нимъ враждебно, — всѣ эти условія ставили православіе въ приниженное и подчиненное положеніе. Пасторы воинствующей церкви держали себя по отношенію къ православнымъ и священникамъ гордо и смотрѣли на нихъ, какъ на враговъ, внушая такой-же взглядъ и своимъ прихожанамъ. Вполнѣ обезпеченные въ матеріальномъ отношеніи, пользуясь поддержкой дворянства и будучи въ тѣсной связи и сношеніяхъ между собою, они почти повсемѣстно пользовались преобладающимъ вліяніемъ на населеніе.

Поэтому священники не имѣли ни тѣни авторитетности среди лютеранъ. Православныхъ же было меньшинство и они не могли оказать какого-либо вліянія на событія. Впрочемъ старѣйшій и наиболѣе устроенный приходъ, Кокенгузенскій, гдѣ православіе теплилось еще въ началѣ XIII вѣка, составилъ счастливое исключеніе: во время послѣднихъ волненій православные собрали свой отдѣльный митингъ на церковной горкѣ, постановили защищать свою церковь и не принимали участія въ бунтѣ, держа себя, насколько было возможно, обособленно.

Такимъ образомъ ни дворянство, ни церковь не имѣли никакого нравственнаго авторитета, особенно у молодого поколѣнія. Судъ и полиція тоже не могли оказать какого либо нравственнаго вліянія, такъ какъ большинство дѣятелей этихъ инстанцій не знали мѣстныхъ языковъ. Коммисары же по крестьянскимъ дѣламъ, единственно могущіе имѣть вліяніе на народъ, не пользовались этимъ вліяніемъ, да и не могли пользоваться имъ: большинство изъ нихъ, за весьма рѣдкими исключеніями, мало знало жизнь и нужды крестьянства, или же управляло обществами черезъ волостныхъ писарей только формально, не вникая въ сущность дѣла. Кромѣ того многіе изъ коммисаровъ—дворяне-нѣмцы, въ особенности въ Курляндіи.

Политическіе агитаторы очень искусно воспользовались положеніемъ и недовольствомъ народа. Къ крестьянству они обратились только въ мартѣ 1905 года и то съ великой осторожностью. Сначала они являлись только въ тѣ мѣста, гдѣ народъ былъ уже враждебно настроенъ противъ пасторовъ и помѣщиковъ. Здѣсь они безъ труда устраивали демонстраціи въ церкви во время богослуженія, послѣ которыхъ шли къ помѣщику. Толпа примыкала къ шествію изъ любопытства, обыкновенно усердствовали только худшіе, безнравственные элементы деревни. Выставлялись требованія улучшенія быта рабочихъ и арендаторовъ. Если помѣщикъ соглашался, то вожаки естественно очень выигрывали въ глазахъ населенія. Если скрывался, то побѣда оставалась все-таки за вожаками. Если сопротивлялся, то этимъ возбуждались страсти и толпа легко переходила къ насилію. Шагъ за шагомъ крестьяне пошли за агитаторами, пока не оставалось уже никакого возврата назадъ.

Гдѣ экономическія требованія помѣщиками удовлетворялись, тамъ замѣтно населеніе успокаивалось и, вслѣдствіе этого, не одно имѣніе осталось до сего времени цѣлымъ, не разграбленнымъ.

Внѣ всякихъ сомнѣній, что соціалистическая пропаганда имѣла успѣхъ въ сельскихъ мѣстностяхъ вслѣдствіе исторической, можно сказать, инстинктивной (органической) вражды про-

тивъ нѣмецкаго элемента въ краѣ. Безземельнымъ лицамъ соціалисты обѣщали земельные участки. Помѣщики вѣдь земли имѣютъ много. Также и усадьбовладѣльцы знали, какимъ способомъ была пріобрѣтена земля помѣщиками. Въ теченіе 700 лѣтъ послѣдніе плохо обходились съ крестьянами. Изо дня въ день они отягащали крестьянъ большими земельными налогами и высокою арендною платою. Не смотря на плохіе урожайные годы, для помѣщиковъ таковыхъ не было, такъ какъ извѣстные и строго опредѣленные годовые доходы должны были внести во что бы то ни стало ихъ крестьяне. Крестьянинъ могъ забыть всѣ старые счеты о непосильныхъ земельныхъ налогахъ, дорожныхъ повинностяхъ, приходскихъ (лютеранскихъ) дѣлахъ, но никоимъ образомъ не могъ простить помѣщику - нѣмцу того, что послѣдній до сего дня смотритъ и относится къ крестьянину съ презрѣніемъ и всячески унижаетъ его... Само собою разумѣется, что подобныя отношенія помѣщиковъ-нѣмцевъ болѣе всего оскорбляли интеллигентныхъ латышей.

Интеллигентная часть населенія, какъ и во всей Россіи, не была подготовлена къ политической борьбѣ и не въ силахъ была стать противъ хорошо подготовленной и прекрасно организованной партіи соціалистовъ.

Въ Прибалтійскомъ краѣ проповѣдниками идей соціализма среди деревенскаго темнаго и ма-

лоразвитого пролетаріата являлись исключительно «идеальные юноши», студенты, псаломщики, сельскіе учителя безъ ясныхъ убѣжденій и хотя-бы начальныхъ понятій о политической жизни страны. Поэтому все «освободительное движеніе» носило характеръ неясности и было перемѣшано съ еще болѣе неясными соціалистическими идеями. Каждый, возражавшій этимъ господамъ, считался отсталымъ, неразвитымъ, не могущимъ представить себѣ новой, свободной и широкой жизни; эти малограмотные люди, не сознававшіе сами хорошо того, къ чему они стремятся, явились вожаками другихъ. Нельзя не упомянуть еще объ одной сторонѣ дѣятельности вожаковъ и агитаторовъ. Когда было пріобрѣтено оружіе и организована милиція—часто въ разныхъ городахъ и селеніяхъ имѣли мѣсто грабежи и убійства. Виновниками ихъ считались конечно «хулиганы» и «черная сотня». Большинство слѣпо вѣрило этимъ наивнымъ баснямъ; однако теперь извѣстно уже, что въ рядахъ хулигановъ стояли самые ярые соціалисты и безработный пролетаріатъ.

Далѣе извѣстны случаи, что члены «новаго правленія», собравши деньги на оружіе, устраивали оргіи въ городахъ, убѣгали за границу или же привозили никуда негодныя старыя ружья и пистолеты.

Подобные случаи бросили тѣнь на многихъ

идеальныхъ проповѣдниковъ свободы и подняли въ народѣ бурю негодованія противъ нихъ.

Въ особенности это проявилось послѣ прибытія войскъ: въ паническомъ страхѣ всѣ герои, возбудившіе народъ къ вооруженному возстанію и ниспроверженію правительства, пустились въ постыдное бѣгство. Ихъ можно потомъ было встрѣтить въ городахъ внутреннихъ губерній, Петербургѣ, на границѣ Австріи и Пруссіи, въ чащѣ лѣсовъ, въ дуплахъ дубовъ, сѣновалахъ и, наконецъ, въ тюрьмахъ. Тамъ идеи забылись ими, тамъ интересовалъ только вопросъ жизни и смерти... Конечно, «идеальные» люди, вожаки стада, умѣютъ оправдать себя въ глазахъ народа тѣмъ, что они имѣли полное нравственное право въ критическій моментъ пуститься въ бѣгство, чтобы послѣ, вернувшись, опять продолжать начатое дѣло; что они ошиблись, не зная силъ и власти правительства; что, увидѣвши перевѣсъ силъ на сторонѣ правительства, они вооруженное возстаніе отложили на будущее время, почему и рѣшили спасти жизнь свою бѣгствомъ.

Но вожаки-герои совершенно забываютъ, что черезъ ихъ бѣгство пострадало много невинныхъ людей. Если вожаки ошиблись въ своихъ расчетахъ, то ихъ долгъ былъ дать самимъ отвѣтъ за себя и свои дѣянія, пожертвовать даже и жизнью за свои идеи, чтобы тѣмъ спасти не-

счастныя жертвы политической слѣпоты. Столько чувствъ чести и нравственнаго долга можно требовать, кажется, отъ руководителей, но именно столько чувствъ чести и нравственнаго долга въ нихъ не оказалось...

II.

Мы видѣли, какъ пришли извнѣ и привились соціалъ-демократическія идеи среди городского населенія Остзейскаго края; мы видѣли, на какую тучную и распаханную почву упало зерно новаго ученія въ деревняхъ Прибалтійскихъ губерній, гдѣ заботливо культивированное браунингомъ, бойкотомъ и забастовками выросло оно въ многолѣтнее растеніе революціоннаго движенія, озаренное заревомъ пожаровъ и политое моремъ крови. Мы видѣли, какимъ путемъ перешли волненія съ почвы экономической на политическую. Какимъ же образомъ влились въ движеніе и откуда взялись националистическія идеи, придавшія ему нѣсколько экзотическій колоритъ сепаратныхъ стремленій, съ мечтами о какой-то совершенно ни съ чѣмъ не соизмѣримой Панфипзіи и Латвіи? Народъ, еще вчера рабски лобзавшій крѣпкую руку барона, потомка кровожадныхъ и жестокихъ завоевателей-крестоносцевъ, не довольствовался уже сверженіемъ нѣмецкаго ига. Въ чаду разыгравшихся страстей онъ осмѣлился

помышлять о полной самостоятельности, на что не давала ему права ни одна строчка изъ книги его лѣтописей. Были забыты и сила и мощь Русскаго царства, и мечты о полномъ отдѣленіи или на худой конецъ широкой автономіи, казалось, готовы были перейти въ дѣйствительность.

Націоналистическія вожделѣнія среди латышей и эстовъ проявились чуть-ли не съ началомъ послѣднихъ реформъ въ краѣ, въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія.

Въ то время какъ масса мѣстнаго крестьянскаго населенія, изнемогая въ фактическомъ, отчасти въ юридическомъ, безправіи подъ гнетомъ нѣмецкаго дворянства, вполнѣ искренно шла на встрѣчу реформѣ, призывая въ край русскій судъ, русскую администрацію, русскую школу непремѣнно съ русскимъ языкомъ обученія,— латышская и эстская интеллигенція, еще такъ недавно покорная балтамъ, уже начала образовывать изъ себя младо-эстонцевъ и младо-латышей. Представители послѣднихъ довольно откровенно высказывали, что Прибалтійскій край не нѣмецкій, но конечно и не русскій, а эстонсколатышскій; что мѣстное населеніе очень благодарно русскимъ за свое освобожденіе отъ нѣмецкаго ига, но вовсе не расположено мѣнять его на русское; что оно должно добиваться для края извѣстной автономіи и прежде всего путемъ на-

значенія на мѣстныя коронныя должности въ школѣ, судѣ, администраціи природныхъ эстонцевъ и латышей; что латышскимъ и эстонскимъ должно быть мѣстное духовенство, не только лютеранское, но и православное и что даже и православнымъ епископомъ долженъ здѣсь быть эстонецъ или латышъ, и т. д.

Представители отдѣльныхъ вѣдомствъ въ краѣ, отчасти въ пылу борьбы съ балтизмомъ и его упорнымъ противодѣйствіемъ вводимымъ реформамъ, отчасти по обычному русскому мягкосердечію и добродушію въ отношеніи къ угнетеннымъ народностямъ, не только не придавали значенія нарождавшемуся націоналистическому движенію, но пожалуй даже какъ бы поддерживали его. Русскіе молодые люди были незамѣтно оттерты отъ мѣстнаго духовнаго училища и семинаріи, которая обезпечивала въ будущемъ нѣкоторую однородность духовенства въ краѣ.

На должности инспекторовъ народныхъ училищъ стали назначать эстовъ и латышей, нѣкоторые изъ которыхъ начали проводить въ школѣ свои тенденціи, всячески тормозя назначеніе на учительскія мѣста людей русскаго происхожденія. На мѣстахъ коммисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ позже появились, правда въ весьма маломъ количествѣ, латыши и эстонцы. Разрѣшеніе множества различныхъ кредитныхъ, пѣвческихъ и всякихъ иныхъ обществъ, національ-

ныхъ латышскихъ и эстскихъ выставокъ, общественныхъ пѣвческихъ празднествъ, спеціально латышскихъ клубовъ, театровъ, большого числа инородческихъ газетъ, издаваемыхъ подъ инородческою же цензурою, все это значительно увеличило сначала слабыя силы латышской и эстонской партій и открыло широкій доступъ пропагандѣ ихъ идей къ народной массѣ. Побѣда латышей по всей линіи на городскихъ выборахъ въ Лифляндіи и отчасти въ Курляндіи окончательно вскружила головы этой «молодой» націи. Появились эстонскій и латышскій національные гимны. Первый былъ исполненъ на пан-эстонскомъ праздникѣ въ Ревелѣ сверхъ оффиціально утвержденной программы; при первыхъ его звукахъ вся публика встала и обнажила головы, тоже сдѣлалъ и растерявшійся отъ неожиданности, кажется не понимавшій въ чемъ дѣло, мѣстный губернаторъ. Позже гимнъ этотъ проникъ даже въ учебныя заведенія. Гимнъ латышей появился позже. Онъ исполнялся на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ латышей и также выслушивался публикой стоя съ непокрытыми головами, вызывая шумные восторги. Националистическое движеніе среди эстовъ и латышей достигло значительной степени и силы и носило явно антирусскій характеръ.

Изложенное здѣсь взято мною почти цѣликомъ изъ одного любопытнаго документа, еще не

опубликованнаго, какъ кажется, въ печати. Онъ представляетъ собою письмо одного изъ дѣятелей Прибалтики къ мѣстному сановнику того времени, касающееся школьной реформы. Нельзя не признать, что дальнѣйшіе факты подтвердили если не всѣ, то большую часть его положеній. Интересно отмѣтить, что авторъ письма, городской дѣятель, уже ясно предвидѣлъ надвигавшіяся событія. Насколько далека была деревня отъ подобныхъ мечтаній, показываетъ другой, не менѣе любопытный документъ,—отвѣтъ на письмо, о которомъ идетъ рѣчь.

Въ интересахъ объективности настоящаго изслѣдованія, привожу выдержку изъ второго документа, касающуюся разбираемаго вопроса.

«...Прочитавъ картину націоналистическаго направленія мѣстныхъ инородцевъ, написанную г. N, пишетъ деревенскій авторъ, невольно подумаешь, что весь народъ мѣстный—бунтовщики противъ государства, противъ которыхъ необходимо не только принять жандармскія мѣры, но выслать солдатъ. Въ концѣ этой картины г. N напримѣръ заявляетъ, что въ развитіи націоналистическаго направленія мѣстныхъ инородцевъ наступилъ уже тотъ моментъ, когда они должны выйти изъ мирныхъ отношеній подчиненности Россіи, подобно тому какъ Финляндія вышла изъ лойальныхъ отношеній къ Россіи... Но факты, приведенные авторомъ письма въ защиту своего

взгляда, сильно натянуты и въ дѣйствительности не свидѣтельствуютъ о сильно развитомъ чувствѣ націонализма у мѣстныхъ инородцевъ. Разберемъ эти факты. Желанія инородцевъ, высказанныя во время проведенія реформъ, чтобы на коронныя должности въ краѣ назначались лица мѣстнаго происхожденія, знающія мѣстные языки, значитъ таковыми могли быть и русскіе, знающіе эти языки,—нисколько не говоритъ о націоналистическомъ направленіи въ краѣ. Народъ шелъ на встрѣчу реформѣ съ радостью и интеллигенція инородческая, желавшая добра своимъ одноплеменникамъ, радовалась вмѣстѣ съ народомъ. Ко времени реформъ уже существовало много лицъ изъ мѣстныхъ инородцевъ, получившихъ высшее образованіе и способныхъ занять разныя должности. Они радовались открывающейся возможности службы какъ бы дома у своего народа и возможности принести пользу своей народности. Какъ болѣе знакомые съ положеніемъ коренныхъ мѣстныхъ жителей и знающіе ихъ языки, они сами просились и ихъ просилъ народъ занимать коронныя должности, чтобы, во-первыхъ, существовало удобство въ сношеніяхъ со служащими людьми, ввиду знанія послѣдними мѣстныхъ языковъ, и во-вторыхъ въ надеждѣ, что послѣдними, какъ людьми, такъ сказать, своими, знающими и положеніе ихъ въ краѣ и имѣющими несомнѣнно больше побуж-

деній заботиться объ улучшеніи этого положенія, чѣмъ назначаемые въ край чиновники не инородцы,—будетъ использована вся благодѣтельность реформъ въ краѣ и въ самомъ лучшемъ видѣ. Желаніе это вполнѣ легально и должно находить откликъ въ сердцахъ тѣхъ лицъ, къ кому оно было обращено, лицъ чисто русскаго происхожденія, извѣстныхъ дѣятелей Русскаго государства. Явились реформы и дѣйствительно желаніе это было осуществляемо. Это показываетъ полную благонамѣренность этого желанія...

«Точно также нисколько не говоритъ въ пользу широкаго распространенія среди мѣстныхъ инородцевъ національныхъ идей существованіе у послѣднихъ массы разрѣшенныхъ правительствомъ обществъ и другихъ учрежденій, наконецъ множество газетъ и побѣда латышей надъ нѣмцами на городскихъ выборахъ.

«Сами названія этихъ обществъ опредѣляютъ цѣль ихъ существованія, которая состоитъ въ улучшеніи экономическаго положенія и духовномъ развитіи народа. Дѣятельность сихъ обществъ находится подъ строгимъ контролемъ мѣстныхъ властей. Въ нѣкоторыхъ обществахъ членами состоятъ и русскіе люди. Что дѣятельность сихъ обществъ не имѣетъ антирусскаго направленія, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что они служатъ культурному сближенію инородцевъ

съ коренной Русью, на ряду съ служеніемъ ближайшей цѣли: культурному развитію инородцевъ.

«Напримѣръ: пѣвцы латышскіе знакомятъ народъ съ русской народной пѣсней и произведеніями русскихъ композиторовъ, театръ—съ русской исторіей и обычаями въ ихъ національной драмѣ и комедіи, газеты въ своихъ обширныхъ фельетонахъ переводятъ для латышей русскихъ классиковъ. Изъ этого видно, что на дѣлѣ инородческія общества не мало служатъ идеѣ русской государственности въ краѣ. Борьба инородцевъ и ихъ побѣда надъ нѣмцами на городскихъ выборахъ была вызвана лишь стремленіемъ къ достиженію законныхъ правъ въ управленіи городомъ. Преобладающимъ населеніемъ во всѣхъ городахъ края являются инородцы, имущественный цензъ которыхъ въ послѣднее время сильно возросъ, поэтому незаконно было то обстоятельство, что все управленіе городомъ находилось въ рукахъ горсти нѣмцевъ... Все сказанное свидѣтельствуетъ, что факты, приводимые г. N въ доказательство широкаго распространенія націоналистическихъ идей въ краѣ, не говорятъ въ пользу доказываемой имъ истины. Въ дѣйствительности инородцы мирно живутъ и развиваются подъ началомъ русской государственности и нисколько не обнаруживаютъ противодѣйствія этой государственности, а относятся сочувственно къ ней, о чемъ свидѣтельствуетъ то обстоятель-

ство, что на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ инородцевъ исполняется всегда русскій народный гимнъ, который выслушивается народомъ почти съ чувствомъ религіознаго воодушевленія, какъ молитва за Царя и отечество, а вслѣдъ за тѣмъ иногда исполняется молитва за свою родину, которая носитъ названіе гимна»...

Авторъ отвѣта, деревенскій житель, искренность котораго для меня внѣ всякихъ сомнѣній, еще далекъ отъ мысли о возстаніи. Однакоже, не смотря на всѣ діалектическія упражненія, онъ все же не можетъ отрицать, что націоналистическія вожделѣнія, хотя еще и скрытыя, назрѣвали втихомолку и ждали только удобнаго случая для проявленія. Но все это доходило до деревни, какъ слухъ изъ города.

Въ городахъ же кипѣла уже революціонная работа. Въ Юрьевѣ работала крайняя университетская партія, во главѣ которой стали нѣкоторые изъ профессоровъ, при наличности представителей и еврейскаго «бунда». Обозначились признаки эстонскаго революціонно-анархическаго движенія, руководимаго гг. Шпекомъ, Астомъ и Вильде, въ противовѣсъ ей образовалась болѣе умѣренная, скорѣе конституціонная, партія, однако ярко окрашенная въ націоналистическій цвѣтъ.

Въ Ревелѣ дѣятельно работалъ ревельскій соціалъ-демократическій комитетъ, имѣвшій связи

ь Валкомъ и Ригой, въ Курляндіи было очень
спокойно.

Нѣмецкіе помѣщики тоже стали принимать
ой-какія мѣры. Возникли организаціи «Selbst-
utz», въ нѣкоторыхъ городахъ «Bürgerwehr».
ыдѣлилась особая дворянская партія, готовая
 извѣстныя уступки и послужившая, какъ
жется, ядромъ для образованія впослѣдствіи
къ называемой «Балтійской конституціонной
ртіи». Но все это явилось запоздалымъ,—дви-
еніе настолько окрѣпло и усилилось, что его
льзя было уже предотвратить никакими мѣрами,
омѣ вооруженной силы.

Если до обнародованія манифеста 17 октября
авными революціонными очагами были лишь нѣ-
олько наиболѣе крупныхъ городовъ, при чемъ
архическія проявленія носили всетаки толь-
 лишь единичный характеръ, то послѣ мани-
еста весь край превратился въ одинъ сплош-
й революціонный очагъ, потушить который
и маломъ числѣ войскъ и отсутствіи ясныхъ
 категорическихъ руководящихъ указаній цен-
альной правительственной власти представля-
сь невозможнымъ. Каждая волость, мѣстечко,
родъ, можно сказать каждая отдѣльная усадь-
, приняли ярко революціонный характеръ и
чалось вытѣсненіе законной власти, что про-
ведено было повсемѣстно. Въ движеніи при-
ли участіе и нѣкоторые правительственные

чиновники, частью активно, частью пассивнымъ попустительствомъ и различными потачками революціонерамъ, при чемъ потачки эти дѣлались иногда безъ всякаго давленія со стороны мятежнаго элемента. Главными центрами, откуда исходили революціонныя вліянія, служила прежде всего Рига, сосредоточившая въ себѣ всѣ нити революціонной паутины, раскинувшейся на всю страну, затѣмъ Либава, Ревель, Валкъ и Юрьевъ. Изъ этихъ пунктовъ, гдѣ несомнѣнно существовали руководящія революціонныя организаціи, исходили программы дѣйствій и опредѣленныя инструкціи для борьбы съ правительствомъ, примѣнявшіяся потомъ съ буквальной точностью и повсемѣстно по одному и тому же образцу. Латыши и эсты, почувствовавъ ослабленіе русской власти, мстили своимъ вѣковымъ угнетателямъ за всѣ несправедливости, которыя они видѣли издавна со стороны нѣмцевъ. Движеніе быстро приняло общую революціонную окраску. Отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ администраціи и полная безнаказанность много помогли движенію и въ сильной степени подорвали авторитетъ всякой правительственной власти вообще. Судъ, несмотря на развитіе преступной дѣятельности, бездѣйствовалъ. Насилія надъ личностью и имуществомъ оставались безнаказанными, потому что производились подъ сѣнью красной тряпки. Не было суда, ни гра-

жданскаго, ни военнаго. Слѣдователи, прокуроры тянули дѣла и сводили на прекращеніе за отсутствіемъ уликъ. Иногда извращался смыслъ закона въ угоду буквѣ. Былъ случай, когда хулиганъ бросился съ ножемъ на полицейскаго, и только находчивость и смѣлость спасли его отъ смерти. Прокуроръ и слѣдователь увидѣли въ этомъ случаѣ простое оскорбленіе, наказуемое по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Безнаказанность давала лишній поводъ къ новымъ преступнымъ предпріятіямъ и развивала смѣлость въ борцахъ революціи.

III.

Въ февралѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Южной Лифляндіи произошли демонстраціи и появились впервые красные флаги. Въ мартѣ движеніе охватило большую часть Курляндіи. Въ апрѣлѣ 1905 г. центральный комитетъ латышской соціалъ-демократической партіи выпустилъ воззваніе «Къ сельскимъ рабочимъ», въ которомъ рабочіе эти призывались готовиться къ всеобщей стачкѣ и вооруженному возстанію. Въ іюлѣ забастовали въ Ригѣ, Либавѣ и Митавѣ фабричные рабочіе, каменщики, пекаря, мясники, портовые рабочіе и проч. 26 іюля митавскій комитетъ соціалъ-демократической партіи рѣшилъ объявить въ Курляндіи всеобщую стачку сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Стачка эта носила угрожающій характеръ и уже въ самомъ основаніи своемъ имѣла признаки вооруженнаго возстанія. Отряды вооруженныхъ ружьями и револьверами рабочихъ въ 10—15 человѣкъ разсыпались по всей Курляндіи, призывая жителей примкнуть къ стачкѣ. Противъ владѣльцевъ

имѣній и квартировавшихъ у нихъ войскъ были приняты репрессивныя мѣры. Начались поджоги имѣній, столкновенія съ войсками; государственные гербы и царскіе портреты въ волостныхъ правленіяхъ предавались уничтоженію. Истреблялись рекрутскіе списки и въ пасторатахъ — церковные архивы. Всюду, гдѣ только можно было, отыскивалось и отбиралось оружіе и населеніе стало поголовно вооружаться.

Курляндскій пожаръ перекинулся и въ Лифляндію. Ея населеніе также начало пріобрѣтать оружіе, появились случаи поджоговъ имѣній и столкновенія съ полиціей и казаками.

Октябрьская всеобщая забастовка еще болѣе ухудшила положеніе. Во время забастовки почтовое движеніе было прекращено и весь край питался издѣліями «боевой» прессы. Распространились слухи, что правительства въ Россіи уже больше нѣтъ и что войска перешли на сторону революціонеровъ. Говорили, что у латышей имѣется на лицо до 60.000 хорошо обученныхъ и вполнѣ организованныхъ стрѣлковъ, а оружія новѣйшихъ системъ такъ много, что часть его отправлена даже въ Москву. Возникшее политическое движеніе окрасилось и въ деревнѣ мечтами объ основаніи республики на соціалъ-демократическихъ основахъ, причемъ предполагалось, что Россія будетъ состоять изъ нѣсколькихъ федеративныхъ республикъ. Послѣ мани-

феста 17 октября начались повсемѣстно митинги, что было очень на руку руководителямъ движенія, которое распространялось съ видимой быстротой. Усадьбо-владѣльцы и старики собственники въ большинствѣ случаевъ не сочувствовали ему. Но это консервативное меньшинство, не организованное и плохо сплоченное, не могло, еслибы и хотѣло, бороться съ движеніемъ, въ которомъ принялъ горячее участіе весь деревенскій пролетаріатъ. Главарями движенія въ деревнѣ были попреимуществу учителя и псаломщики, въ нѣкоторыхъ волостяхъ и волостные писаря.

Въ ноябрѣ 1905 г. въ Ригѣ собрался съѣздъ волостныхъ делегатовъ Рижскаго уѣзда. По окончаніи занятій онъ превратился въ незаконное сборище, въ которомъ приняли участіе и делегаты Курляндіи. На сборищѣ этомъ было постановлено, между прочимъ, прекратить какія бы то ни было сношенія съ правительственными лицами и учрежденіями, состоялось постановленіо о вооруженной защитѣ, образовалось нѣчто вродѣ временнаго правительства. Въ городѣ усилился рядъ убійствъ и насилій должностныхъ и частныхъ, не сочувствовавшихъ движенію, лицъ; число насилій всякаго рода достигло въ этомъ году до внушительной цифры въ 2604 случаевъ. Изъ общаго числа случаевъ было со-

вершено убійствъ, покушеній на убійства и вооруженныхъ нападеній на улицахъ города—924, вооруженныхъ ограбленій—111; преступленія спеціально революціоннаго характера были представлены въ общей цифрѣ преступленій солиднымъ числомъ въ 1035 случаевъ. Въ деревнѣ увеличились поджоги, насилія и убійства. Въ концѣ ноября и началѣ декабря волостныя власти волею мѣстныхъ митинговъ были устранены и замѣнены исполнительными комитетами, такъ называемыми «Ricibas Comitea». Въ волостяхъ учреждены милиціи и боевыя дружины. Комитеты эти избирались митингомъ подъ руководствомъ заѣзжаго студента или учителя, рѣже псаломщика или писаря; въ члены комитета попадали обыкновенно наиболѣе зажиточные крестьяне, въ томъ числѣ и женщины; комитетъ этотъ былъ послушной игрушкой въ рукахъ агитатора. Въ милицію собирали всѣхъ парней и батраковъ; отборные изъ нихъ были вооружены огнестрѣльнымъ, отобраннымъ у помѣщиковъ, оружіемъ и составляли боевую дружину. Кромѣ того избирался волостной судъ, «рѣшительный» судъ и въ нѣкоторыхъ волостяхъ еще и верхній судъ, члены котораго должны были засѣдать въ гор. Ригѣ.

Какъ иллюстрацію, привожу два подлинныхъ протокола одного изъ комитетовъ, о которыхъ

идетъ рѣчь. Оба протокола переведены съ латышскаго языка, при чемъ сохранены, по возможности, точныя выраженія подлинниковъ.

Протоколъ № 43.

«Собраніе N—го вол. общества, 28 ноября. Присутствовали нижеподписавшіеся члены N—го общества какъ мужчины, такъ и женщины, достигшіе 20 лѣтъ.

На основаніи манифеста отъ 17 октября N—ское волостное общество признало, что члены волостного правленія избираются на основаніи одинаковой, непосредственной, закрытой баллотировки. Нынѣ состоящія въ должности лица должны кончить исполнять свои обязанности и отказываются отъ исполненія таковыхъ. На основаніи изложеннаго волостной старшина созвалъ общій волостной сходъ для выбора должностныхъ лицъ и учителей.

Отъ должности отказались слѣдующія должностныя лица и учителя (слѣдуютъ имена) и должностныя лица волостного правленія и суда. Наконецъ перешли къ упорядоченію дѣла.

1) Сходъ постановилъ: въ составѣ волостного правленія выбрать предсѣдателя, кассира и 7 членовъ, въ составъ волостного суда — 3 членовъ и въ составъ рѣшительнаго суда — 3 членовъ.

Собраніе постановило платить жалованье членамъ волостного правленія въ мѣсяцъ слѣдующее:

Предсѣдателю	15	рублей
Кассиру	15	»
Каждому члену	10	»
Члену вол. суда	3	»
Члену рѣш. суда	3	»
Письмоводителю	75	»
Первому учителю	50	»
Второму учителю	40	»

Примѣчаніе: Квартиру, отопленіе, освѣщеніе и землю, расположенную около волостного дома и школы, письмоводитель и учителя получаютъ безплатно.

Потомъ собраніе перешло къ выборамъ должностныхъ лицъ, каковые совершились на основаній одинаковой, непосредственной и закрытой баллотировки.

Выбраны (слѣдуютъ имена выбранныхъ лицъ; въ числѣ выбранныхъ двѣ женщины: одна въ составъ волостного правленія, одна въ составъ волостного суда).

Постановлено: избранныя должностныя лица должны сейчасъ вступить въ исполненіе обязанностей и принять отъ старшины и суда имущество и счета.

Предсѣдатель и члены собранія выбрали писмоводителемъ Я. К—а и по его просьбѣ повысили ему жалованье на 15 р., такъ что въ мѣсяцъ онъ получаетъ 90 рублей. Учителями выбрали бывшихъ».

Подписи.

Протоколъ № 49.

«Собраніе N—го общества въ общественномъ домѣ 11 декабря 1905 г.

1) Обсудивъ вопросъ объ охранѣ волостного дома, постановили: держать двухъ стражниковъ, которымъ платить по 50 коп. въ день при готовомъ содержаніи. Хлѣбъ и съѣстные припасы хозяева будутъ доставлять безплатно.

2) Обсудивъ вопросъ о полиціи, постановили: ни одного полицейскаго не содержать, а каждый долженъ самъ считать своей обязанностью увѣдомить комитетъ о всѣхъ безпорядкахъ.

3) Платить общественные сборы каждый начинаетъ съ 20-лѣтняго возраста, какъ мужчины, такъ и женщины. Каждый, кто зарабатываетъ, платитъ тоже подати, только само сабой разумѣется сравнительно семейнаго положенія каждаго.

4) Недоимки общественныхъ сборовъ каждый долженъ уплатить, кто можетъ, къ 1 января 1906 года.

5) Сходъ постановилъ устроить отдѣльн
верхній судъ, состоящій изъ 5 членовъ и с
дѣльнаго дѣлопроизводителя безъ права голос
Верхними судьями будутъ приглашены чле
волостного суда по очереди. Устраивается вер
ній судъ съ постояннымъ пребываніемъ
гор. Ригѣ для всего Рижскаго уѣзда.

6) Сходъ постановилъ: не платить арен
помѣщикамъ, а платить сборъ съ той земли
пользу волостного общества.

7) Половинщики впредь не могутъ быть д
пущены.

8) Спекуляція земельными участками не д
пускается.

9) Земельный участокъ долженъ оставать
въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предназначен
т.-е. если какая либо часть отдѣлена, то пр
соединяется обратно къ тому участку.

10) Разрѣшить хозяевамъ и квартиронаним
телямъ условиться объ арендныхъ деньгахъ,
если не могутъ, то обратиться къ комитету.

10) Собраніе постановило принудить имѣні
выдать на вѣкъ въ аренду землю, расположен
ную у станціи, чтобы можно было строить дома

Арендная плата за одно пурное мѣсто 1 рубл
ежегодно.

Каждый арендаторъ въ правѣ арендовать толь
ко одно пурное мѣсто.

Арендныя условія должны быть упорядочены комитетомъ.

11) Пасторатъ отдается въ аренду только одному арендатору. Аренда поступаетъ въ пользу N-аго общества. Отдавать пасторатъ въ аренду будетъ комитетъ.

Комитетъ долженъ заботиться, чтобы остальная мызная земля обрабатывалась какъ слѣдуетъ работниками.

12) Собраніе постановило, что имѣніе не имѣетъ права продавать лѣсъ. Лѣсъ — собственность общества, а потому только общество можетъ его продавать. Вырученныя отъ продажи деньги поступаютъ въ пользу общества. Лѣсъ не будетъ продаваться лѣсопромышленникамъ.

13) Собраніе постановило, что на будущее время волостное правленіе будетъ именоваться: «волостной распорядительный комитетъ».

14) Взысканное приходскимъ попечителемъ жалованье для приходского учителя взыскивать съ г. фонъ-Б-а.

15) Въ собраніи участвовало около 1000 ч., которые довѣряютъ подписать протоколъ членамъ комитета и 5 выборнымъ изъ собранія.

16) Такъ какъ нашъ докторъ П. удралъ, то пригласить другого доктора.

17) Собраніе довѣряетъ комитету привести въ порядокъ полученіе и отправку корреспонденціи».

Подписи членовъ комитета и выборныхъ, председателя и письмоводителя.

Разрывъ съ законнымъ правительствомъ былъ очевиденъ и окончателенъ. Мѣстная же власть не имѣла средствъ и возможности бороться вооруженной рукой, а иного способа дѣйствій уже не оставалось.

Первоначально для охраны угрожаемыхъ пунктовъ посылались небольшія части войскъ. По просьбѣ испуганныхъ помѣщиковъ для охраны отдѣльныхъ имѣній направлялись небольшія, въ нѣсколько человѣкъ, команды. Благодаря этому къ ноябрю 1905 г. войска оказались разбросанными въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, ввидѣ мелкихъ отрядовъ. Связь между отрядами была весьма затруднительна, особенно въ періоды почтовыхъ, телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ забастовокъ. Нельзя было принять строгія и суровыя мѣры и приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

IV.

Дѣйствія мятежниковъ приняли характеръ наступательный. Въ Курляндіи 28 ноября бунтовщики захватили станцію Шлампенъ, угрожая Зельбургу, Тауеркальну, Нейгуту, Ливенберзену; въ Митавѣ пришлось открыть пальбу залпами по революціонерамъ. Начались открытыя столкновенія между военными патрулями и жителями, сопровождавшіяся жертвами съ обѣихъ сторонъ, были убитые и раненые. Вслѣдствіе возбужденнаго состоянія населенія города Туккума уѣздный начальникъ баронъ Раденъ переодѣлъ полицію въ штатское платье, а самъ уѣхалъ за 12 верстъ отъ города, въ имѣніе Дурбенъ. 29 ноября туккумскій городской голова Кремансъ передалъ по телефону барону Радену, что онъ, въ качествѣ предсѣдателя делегаціи города, проситъ Радена публично опровергнуть высказанныя угрозы о сожженіи тѣхъ домовъ, изъ которыхъ будутъ стрѣлять по войскамъ, и разрѣшить вооруженную самооборону, для чего слѣдуетъ возвратить отобранное войсками и полиціей у населенія оружіе. Ба-

ронъ Раденъ всѣ эти требованія отклонилъ. Тогда Кремансъ въ сопровожденіи двухъ делегатовъ, какого-то судейскаго и еврея, отправился къ начальнику Туккумскаго раіона, подполковнику Миллеру, съ просьбой разрѣшить самооборону жителей и снять войсковые патрули, ручаясь за спокойствіе въ городѣ. Подполковникъ согласился, патрули были сняты и самооборона быстро сформировалась. Къ утру городъ оказался во власти множества вооруженныхъ людей, вступившихъ въ него изъ окрестностей. Воинскіе чины въ городѣ стали подвергаться обстрѣлу изъ домовъ, гдѣ засѣли вооруженные мятежники. Кремансъ, потребовенный Миллеромъ, заявилъ, что его ввели въ заблужденіе и что городъ занятъ революціонерами, комитетъ которыхъ требуетъ ухода войскъ изъ города съ выдачей оружія. На это заявленіе Креманса Миллеръ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. Тогда гостинница, которую занимали Миллеръ и другіе офицеры, была подвергнута обстрѣлу со стороны революціонеровъ, занявшихъ подъ свои позиціи всѣ дома вокругъ гостинницы. Офицеры вынуждены были перейти въ каменную конюшню, гдѣ помѣщались 45 драгуновъ съ лошадьми, и оказались здѣсь осажденными, такъ какъ никто не могъ выйти отсюда, не будучи подвергнутъ разстрѣлу изъ сосѣднихъ домовъ,—кирхи и латышскаго собранія. Пріѣхавшій утромъ 30 числа баронъ

Раденъ съ драгунами уже не могъ пройти въ городъ, такъ какъ улицы были заграждены проволокой и отрядъ подвергся жестокому огню. Двѣ попытки капитана Глиндзича пробраться съ ротою на выручку драгунъ оказались также неудачными: невозможно было пройти по опутаннымъ проволокой улицамъ подъ убійственнымъ огнемъ невидимыхъ стрѣлковъ, засѣвшихъ во всѣхъ домахъ. Капитанъ, будучи два раза раненъ, вынужденъ былъ отступить, неся громадныя потери въ людяхъ. Драгуны съ офицерами и подполковникомъ Миллеромъ оказались отрѣзанными.

Утромъ 1 декабря революціонеры подожгли сосѣдній съ конюшней домъ. Предварительно политая керосиномъ крыша конюшни загорѣлась, а затѣмъ загорѣлось и само зданіе. Пребываніе въ конюшнѣ стало невозможнымъ. Тогда драгуны рѣшили пробиться. Были выпущены лошади, а за ними съ криками «ура» бросились драгуны, съ офицерами впереди, подъ сильнымъ огнемъ революціонеровъ, дружно открытымъ мятежниками изъ всѣхъ окружающихъ домовъ. При этомъ отрядъ потерялъ 19 человѣкъ убитыми, 20 ранеными и нѣсколько человѣкъ плѣнными, которые были отведены въ латышское собраніе, — почти весь свой составъ. Подполковникъ Миллеръ былъ убитъ однимъ изъ первыхъ; раненые, лежа на землѣ, до конца исполняли свой долгъ, стрѣляя въ

революціонеровъ и дорого продавая свою жизнь. Оружіе и аммуниція были расхищены. Раненыхъ добивали и глумились надъ ними; позже были найдены трупы Миллера и драгунъ обезображенными, съ вырѣзанными надписями, съ отрѣзанными носами, съ перерѣзанными шеями, выколотыми глазами. Одновременно съ предательскимъ избіеніемъ драгунъ, революціонеры обезоружили и арестовали полицейскихъ, освободили изъ тюрьмы политическихъ арестованныхъ, разгромили полицейское управленіе и уничтожили дѣла судебнаго слѣдователя, ограбили винныя лавки. Кромѣ того толпа отправилась на вокзалъ и воспрепятствовала поѣзду отойти въ Ригу. Впрочемъ еще вечеромъ 29 числа начальникомъ станціи Митава II была послана по всѣмъ станціямъ телеграмма съ приглашеніемъ начать забастовку. До самаго вечера городъ оставался въ рукахъ мятежниковъ, пока не подошелъ отрядъ генерала Хорунженкова, посланный изъ Митавы, куда извѣстіе о событіяхъ въ Туккумѣ дошло утромъ 1 декабря и было доставлено пріѣхавшимъ верхомъ переодѣтымъ нижнимъ чиномъ. Дозоры генерала Хорунженкова были встрѣчены огнемъ. Отрядъ втянулся въ городъ. Изъ зданія одной изъ гостинницъ послѣдовали выстрѣлы. Пѣхота дала нѣсколько залповъ въ окна, затѣмъ въ этотъ же домъ была пущена граната. Мятежники бѣжали и были разстрѣляны ружей-

нымъ огнемъ. При дальнѣйшемъ движеніи отрядъ встрѣтилъ проволочныя загражденія, которыя пришлось рубить шашками. Изъ латышскаго собранія была открыта мятежниками стрѣльба; войска отвѣчали залпами и выпустили двѣ гранаты; огни въ домѣ сейчасъ же погасли и уцѣлѣвшіе мятежники стали перебѣгать въ кирху, но по дорогѣ разстрѣливались войсками.

Отрядъ ночевалъ за городомъ, оцѣпивъ его постами. На утро изъ города прискакалъ латышъ съ бѣлымъ флагомъ и подалъ записку съ просьбой увести войска и обѣщаніемъ полнаго порядка въ городѣ, выдачи оружія и зачинщиковъ. Были начаты переговоры, во время которыхъ большинство вооруженныхъ мятежниковъ успѣло скрыться изъ города, а остальные изъявили покорность и выдали оружіе. Жители на колѣняхъ съ хлѣбомъ-солью и образами, священникъ съ крестомъ въ рукѣ встрѣтили войска и клялись въ вѣрности, изъявляя покорность и раскаяніе. Хлѣбъ-соль приняты не были; изуродованные трупы подполковника Миллера и драгунъ подобрали и отрядъ возвратился на станцію Тукумъ II.

Одновременно съ событіями въ Тукумѣ, въ Альтъ-Ауцѣ, гдѣ была расположена рота пѣхоты, стали распространятся слухи о приближеніи какихъ-то шаекъ черносотенцевъ и населеніе пришло въ крайнее возбужденіе. Въ Ауцъ стали стекаться

изъ окрестностей массы вооруженныхъ людей, будто-бы для отбитія нападенія вооруженныхъ грабителей. Мѣстные жители соединились съ прибывшими и организовали отряды самообороны. Представитель полиціи и командиръ роты заявили населенію, что отряды самообороны не могутъ быть допущены, что воинская часть достаточно сильна, чтобы отбить всякое нападеніе, и просили жителей успокоиться. Не смотря на эти заявленія Ауцъ былъ переполненъ подозрительными лицами, которыя при появленіи патрулей расходились. 30 ноября по сигналу войска внезапно подверглись жестокому огню со стороны возставшаго населенія. Огонь продолжался весь день; войска нѣсколько разъ ходили въ атаку, но окруженныя со всѣхъ сторонъ, не имѣя возможности подать вѣсть о своемъ тяжеломъ положеніи, имѣя раненыхъ и ограниченное количество патроновъ, вынуждены были отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій и перейти къ упорной оборонѣ. Ночь на 1 декабря люди провели безъ сна, съ оружіемъ въ рукахъ, въ постоянномъ ожиданіи нападенія. На слѣдующій день повстанцы вновь открыли огонь по часовымъ и казармѣ съ трехъ сторонъ, съ дистанціи 100—450 шаговъ. Огонь изъ дальнобойныхъ ружей новѣйшихъ образцовъ продолжался, то ослабѣвая, то усиливаясь, до наступленія темноты. Рота отвѣчала одиночнымъ огнемъ, сберегая патроны. Въ защитѣ казармы

принимали участіе и раненые. Въ казармѣ долго держаться было нельзя. Поэтому, когда уже совсѣмъ стемнѣло, перенесены были въ замокъ подъ прикрытіемъ секретовъ казенныя вещи и раненые и переведены нижніе чины. Офицеръ перешелъ въ замокъ послѣднимъ, послѣ чего были приняты всѣ мѣры для охраны отряда. Ночью рота соединилась съ присланной подмогой и, обойдя Ауцъ съ запада, ушла въ Митаву.

Въ Лифляндіи линія желѣзной дороги Перновъ-Валкъ-Маріенбургъ-Штокмансгофъ была занята мятежниками, которые пользовались ею для быстраго передвиженія своихъ бандъ. Близъ станціи Штокмансгофъ (Риго-Орловской ж. д.) потерпѣлъ крушеніе воинскій поѣздъ, благодаря разобранному мятежниками пути, и былъ осажденъ толпами бунтовщиковъ. Войскамъ пришлось отступить. На всѣхъ дорогахъ стояли сторожевые посты и банды возставшихъ. Въ м. Глазманкѣ, на границѣ Витебской и Лифляндской губерній, вооруженная толпа напала на полуроту пѣхоты. Нѣсколько нижнихъ чиновъ были убиты и ранены, остальные съ офицеромъ обезоружены и уведены въ Рижскій уѣздъ. Здѣсь тоже имѣлъ мѣсто случай насилія и глумленія надъ плѣнными. Въ Ленневарденѣ, около станціи Рингмунсгофъ, той же Риго-Орловской ж. д., бунтовщики устроили засаду и осадили отступавшій эскадронъ драгунъ, прикрывавшій семьи бѣжавшихъ

*

помѣщиковъ. Эскадронъ былъ взятъ подъ перекрестный огонь, такъ какъ желѣзная дорога, находившаяся въ рукахъ революціонеровъ, подвезла къ мѣсту боя поѣздъ съ вооруженными повстанцами. Помѣщики попали въ плѣнъ, ихъ увели въ Рижскій уѣздъ и заключили подъ стражу въ замокъ Кокенгузенъ, гдѣ предполагался народный судъ; плѣнные нижніе чины были разобраны по рукамъ жителями. Тамъ же арестованъ возмутившимися жителями лютеранскій пасторъ съ семьей, нѣсколько помѣщиковъ, привезенныхъ изъ сосѣдняго Лепкальна, и чины мѣстной администраціи фонъ-Петерсонъ и Максимовичъ. Народъ скрежеталъ зубами и глумился надъ арестованными; только благодаря заступничеству мѣстнаго комитета, они не были разорваны озвѣрѣлымъ народомъ на куски. Арестованные обратились съ письмомъ въ Ригу, къ ландмаршалу. Изъ Риги былъ посланъ уполномоченный отъ дворянства. Но бунтовщики разстрѣляли Максимовича, фонъ-Петерсона и трехъ осетинъ на желѣзнодорожномъ мосту у Кокенгузена; трупы ихъ были брошены въ замерзшую рѣку, на ледъ. Узнавъ объ этомъ, уполномоченный вернулся назадъ.

Мѣстныя власти, характеризуя положеніе дѣлъ того времени, тревожно доносили, что обстановка дѣлается хуже съ каждымъ днемъ и что возстаніе распространяется съ грозной быстротой. На-

пуганная администрація указывала, что войска, если будутъ присланы, могутъ прибыть безопасно только пароходомъ, такъ какъ Балтійская и Риго-Орловская желѣзныя дороги хотя временно и дѣйствуютъ, но воинскіе поѣзда не будутъ пропущены. Въ Лифляндіи полагали, что войскамъ придется итти по возставшимъ уѣздамъ, какъ по непріятельской мѣстности, что Рига держаться долго не можетъ и, если не пришлютъ войска, городъ, послѣ крупнаго кровопролитія, будетъ разграбленъ. Положеніе дѣлъ по этимъ донесеніямъ было плохо не только въ Прибалтійскомъ краѣ, но и въ прилегающихъ къ Курляндіи и Лифляндіи мѣстностяхъ Витебской губерніи, гдѣ воцарилась полная анархія. Войскъ не было. Полиція безъ войска не имѣла силы не только остановить вооруженныя многочисленныя банды мятежныхъ латышей, передъ которыми отступали небольшія воинскія части, но даже прекратить массовыя истребленія лѣсовъ. Земскіе начальники и слѣдователи были лишены возможности выѣзжать въ свои участки, гдѣ ихъ совершенно перестали признавать. Сельскія власти повсюду были смѣщены и возстановить порядокъ, по мнѣнію мѣстныхъ властей, возможно было только экстренными суровыми мѣрами. Подобную характеристику слѣдовало всецѣло отнести къ положенію дѣлъ во всемъ Прибалтійскомъ краѣ. Въ Эстляндіи было сравнительно спокойнѣе. Но

и тамъ повсюду шныряли банды вооруженныхъ людей и правительственныя власти были смѣщены.

Въ одной интересной слезницѣ того времени говорится, что «положеніе вещей въ Прибалтійскомъ краѣ принимаетъ все болѣе угрожающій характеръ. Не проходитъ дня, чтобы не совершались то здѣсь, то тамъ нападенія на отдѣльныхъ беззащитныхъ гражданъ съ похищеніемъ у нихъ всего наличнаго имущества, все болѣе и болѣе учащаются также разбойничьи набѣги на усадьбы съ поджогами и грабежами; защиты искать негдѣ, что конечно можетъ только способствовать анархіи.

«На всѣхъ митингахъ въ волостяхъ постановлено требовать избавленія крестьянскаго населенія отъ административной опеки, введенія всесословной волости и общаго равнаго и прямого избирательнаго права для всѣхъ вообще выборовъ, до введенія каковаго права никакихъ выборовъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія впредь не производить. Кромѣ того во многихъ волостяхъ народныя собранія отрѣшили должностныхъ лицъ, а нѣкоторыхъ заставили покинуть занимаемыя ими должности посредствомъ террора; другіе же сами ушли добровольно. Эти же собранія, состоящія изъ всѣхъ проживающихъ въ данной волости лицъ обоего пола, избрали новыхъ должностныхъ лицъ, вступившихъ уже въ исполненіе возложенныхъ на

нихъ обязанностей, причемъ они получили строгій наказъ ни въ какомъ случаѣ не исполнять приказаній законной администраціи и вполнѣ эту послѣднюю игнорировать. На нѣкоторыя должности избраны женщины.

«Всюду замѣчается большое движеніе въ пользу полной автономіи латышскаго населенія».

Далѣе авторъ записки говоритъ, что при такомъ положеніи дѣлъ необходимо принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для успокоенія края и намѣчаетъ эти мѣры:

«1) Подавленіе всего революціоннаго движенія крутыми, безпощадными мѣрами; для этого нужно большое количество войскъ при достаточномъ контигентѣ офицеровъ, которыхъ къ несчастью нѣтъ. Съ другой стороны настоящій политическій моментъ и настроеніе въ Россіи вообще не позволяютъ прибѣгать къ подобнымъ репрессивнымъ мѣрамъ, которыя могутъ лишь ухудшить положеніе Прибалтійскихъ губерній.

«2) Немедленное проведеніе въ жизнь общихъ реформъ на основаніи Высочайшаго манифеста 17 октября и частныхъ, въ смыслѣ широкаго самоуправленія края, съ полной реформой народной школы на основаніи записки волостныхъ старшинъ Рижскаго уѣзда, удовлетвореніе которой (?), по мнѣнію мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, можетъ имѣть результатомъ желательное успокоеніе, съ примѣненіемъ

земскихъ началъ 1864 года и, въ виду мѣстныхъ особенностей края, въ связи съ проэктомъ ландтага отъ іюля с. г. Мѣстное населеніе не вѣритъ болѣе обѣщаніямъ, не вѣритъ, что подаваемыя петиціи могутъ имѣть какой-либо результатъ. Вожаки крайнихъ революціонныхъ партій пользуются этимъ и даже не требуютъ болѣе введенія желаемыхъ реформъ, а просто сами вводятъ ихъ, говоря, что законодательная санкція послѣдуетъ потомъ, пока же не слѣдуетъ признавать никакихъ властей, не платить налоговъ и слушаться лишь ими выбранныхъ должностныхъ лицъ.

«Само собою разумѣется, что законное правительство не можетъ допустить образованіе какихъ то самозванныхъ, революціонныхъ правительствъ. Но такъ какъ у настоящаго правительства фактически нѣтъ силъ бороться противъ вышеозначеннаго движенія мѣрами строгости, репрессіей, то остается лишь приступить къ реформамъ, которыя требуетъ народъ.

«Реформы эти двоякія:

1) Такія, которыя могутъ быть разрѣшены и введены губернской администраціей;

2) Такія, которыя требуютъ законодательной санкціи.

«Кромѣ того реформы эти должны быть введены въ наиболѣе возможно скоромъ времени.

«Реформы эти должны быть одновременно вве-

дены во всѣхъ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ противномъ случаѣ онѣ не дадутъ успокоенія странѣ.

«Для того, чтобы было возможно приступить къ этой работѣ спокойно, нужно сейчасъ же объявить о срокѣ введенія реформъ. Для всего вышеозначеннаго губернаторская власть недостаточна, тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ одновременно о трехъ губерніяхъ.

«Необходима сильная государственная власть, которая въ силу своихъ обширныхъ полномочій могла бы немедленно приступить къ организаціи желаемыхъ реформъ.

«Этой компетентной властью является лишь гражданскій генералъ-губернаторъ для трехъ Прибалтійскихъ губерній, но не исключительно только для подавленія революціоннаго движенія репрессивными мѣрами, а для проведенія въ жизнь реформъ, каковыя, можно надѣяться, успокоятъ мѣстное населеніе.

«Само собой разумѣется въ его распоряженіи должно находиться достаточное количество войскъ для подавленія открытаго возмущенія и вооруженныхъ нападеній на мирныхъ жителей края.

«Введеніе генералъ-губернаторства должно послѣдовать немедленно, такъ какъ черезъ нѣкоторое время вѣроятно будетъ поздно. Пока эстонское населеніе относительно спокойнѣе латыш-

скаго. Пользуясь вліяніемъ эстонцевъ, ихъ примѣромъ можетъ быть удастся успокоить и латышей.

«При генералъ-губернаторѣ долженъ быть устроенъ постоянный совѣтъ изъ избранныхъ лицъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, крестьянъ и городскихъ обывателей».

При такихъ условіяхъ было объявлено военное положеніе, разновременно для разныхъ губерній края; послѣдней была объявлена на военномъ положеніи Лифляндская губернія, именно 22 ноября. 28 же ноября учреждена должность временнаго прибалтійскаго генералъ-губернатора, съ подчиненіемъ ему Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерній, предоставленіемъ правъ командующаго войсками военнаго округа и учрежденіемъ при немъ особаго совѣщанія для разработки законодательныхъ предположеній по всѣмъ мѣстнымъ вопросамъ.

V.

Случай въ Тукумѣ показалъ опасность расположенія войскъ небольшими сравнительно частями и командами, а потому было предписано принять сосредоточенное расположеніе и отнюдь не допускать дробленія ротъ и кавалерійскихъ отрядовъ. Сверхъ находившихся въ краѣ войскъ для возстановленія законнаго порядка въ Прибалтійскихъ губерніяхъ были командированы особые отряды. Отряды эти формировались различной силы и состава. Изъ нихъ наибольшими были Сѣверный, дѣйствовавшій въ сѣверной части Линляндіи съ 13 декабря; Южный, дѣйствовавшій въ южной Лифляндіи съ 17 декабря и Виленскій, дѣйствовавшій по линіи Риго-Орловской желѣзной дороги отъ Двинска до Риги и въ юго-восточной части Курляндіи. Первые два носили преимущественно кавалерійскій характеръ. Кромѣ того въ Лифляндію были командированы 3 батальона моряковъ. Въ Эстляндіи работали два морскихъ батальона и отдѣльный отрядъ генерала Безобразова. Въ Курляндіи

формировались по мѣрѣ надобности отдѣльные подвижные отряды, дѣйствовавшіе въ указанныхъ имъ раіонахъ и послѣ расформировавшіеся. Всего было двинуто въ вомутившійся край около 40 ротъ пѣхоты, 28 эскадроновъ и сотенъ и 18 орудій. Дѣйствуя по указаніямъ особыхъ инструкцій, войска быстро разсѣяли бродившія по краю вооруженныя шайки и возстановили законныя власти. Захваченныя съ оружіемъ въ рукахъ лица, уличенныя показаніями мѣстныхъ жителей и административныхъ властей въ преступленіяхъ, влекущихъ за собой присужденіе къ смертной казни, разстрѣливались на мѣстѣ. Послѣднее, впрочемъ, было прекращено уже въ февралѣ мѣсяцѣ Высочайшимъ повелѣніемъ о томъ, чтобы участь преступниковъ, взятыхъ подъ стражу, опредѣлялась въ точности на основаніи дѣйствующихъ законовъ и что ни при какомъ толкованіи закона недопустимо и совершенно невозможно лишать жизни взятыхъ подъ стражу преступниковъ въ административномъ порядкѣ безъ суда, дѣйствующаго въ точности согласно существующимъ законамъ. Въ крайнихъ случаяхъ войсковые отряды прибѣгали къ сожженію отдѣльныхъ строеній и усадебъ, съ цѣлью наказанія главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ и агитаторовъ, скрывшихся заблаговременно и не явившихся по требованію властей. Иногда обстрѣливались ар-

тиллерійскимъ огнемъ селенія, жителикоторыхъ не желали добровольно указать или выдать хранящееся въ складахъ оружіе, или же встрѣчали войска огнемъ.

Ужасъ, наведенный быстрымъ и дружнымъ дѣйствіемъ войскъ, имѣлъ бы, не смотря на нѣкоторыя печальныя стороны карательныхъ экспедицій, и основаніе и полное оправданіе даже въ глазахъ латышей и эстовъ. Законъ бездѣйствовалъ, власти бѣжали. Вмѣсто закона была воля кучки агитаторовъ, державшихъ въ страхѣ весь народъ. Надлежало возстановить спокойствіе, что было абсолютно недостижимо безъ крутыхъ и суровыхъ мѣръ. Но слѣдовало сейчасъ же приступить и къ реформамъ. Нужно было показать, что правительство, возстановивъ порядокъ, сейчасъ же приступаетъ къ устраненію причинъ, вызвавшихъ безпорядки. Но этого сдѣлано не было. Вслѣдствіе такой ошибки послѣ нѣкотораго затишья безпорядки начались вновь, но уже въ иной формѣ, еще болѣе опасной. Начались повсемѣстные грабежи и убійства, особый видъ партизанской войны, въ которой край пребываетъ и по сіе время. Необычайная смѣлость злоумышленниковъ, частая ихъ безнаказанность и скорая расправа революціонеровъ съ предполагаемыми измѣнниками и доносчиками все еще держитъ въ страхѣ мирное населеніе. Оно изъ вполнѣ понятнаго чувства

самосохраненія затрудняется оказывать какую-либо помощь войскамъ и полиціи въ розыскѣ злоумышленниковъ. Введенные позже военно-полевые суды врядъ ли можно считать достигнувшими своей цѣли. Замѣчаемое же изрѣдка уменьшеніе числа преступныхъ дѣяній зависитъ отъ иныхъ причинъ, въ ряду которыхъ на первомъ планѣ стоитъ исконный врагъ всякихъ партизанскихъ дѣйствій—суровое время года.

Вторая ошибка состояла въ томъ, что репрессіи велись, большею частью, по указаніямъ мѣстныхъ властей и помѣщиковъ, которые очень часто преслѣдовали не правительственныя цѣли, а руководились чувствами мести и личной вражды. Еще въ самомъ началѣ дѣйствій нѣкоторые начальники карательныхъ экспедицій замѣтили, что необходимо смѣстить по крайней мѣрѣ половину административныхъ лицъ въ краѣ, какъ совершенно не соотвѣтствующихъ своему назначенію. Высшая власть не привела, однакоже, этой мѣры въ исполненіе и войскамъ приходилось дѣйствовать иногда по указаніямъ завѣдомо недобросовѣстныхъ лицъ. Въ концѣ концовъ войска стали больше, чѣмъ съ осторожностью, относиться къ полицейскимъ и нѣкоторымъ инымъ показаніямъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что населеніе и въ настоящее время относится къ войскамъ съ видимымъ уваженіемъ. Оно шло къ войскамъ, не смотря на репрессіи, со всякимъ

дѣломъ — до мировыхъ сдѣлокъ включительно, старательно избѣгая всякаго соприкосновенія съ администраціей и высшей и низшей,— достойное слѣдствіе достойныхъ прошлыхъ дѣйствій. Но дѣйствительное успокоеніе населенія въ полной мѣрѣ не достигнуто и до настоящаго времени. Подпольное правительство Прибалтійскаго края, а если его нѣтъ, то кружки не прекратили своей дѣятельности и понынѣ и вовсе не считаютъ свое дѣло проиграннымъ, что можно съ большимъ вѣроятіемъ заключить изъ послѣднихъ появляющихся прокламацій.

VI.

Если аграрныя условія, безправное положеніе латышей и вообще отсутствіе ясно и опредѣленно выраженной правительственной программы въ управленіи Остзейскомъ краемъ издавна послужили источникомъ недовольства и подготовили вспыхнувшее возстаніе, то ближайшій толчекъ ему дали близорукость большинства прибалтійскихъ помѣщиковъ, бездѣятельность администраціи и печальныя событія переживаемой нашимъ отечествомъ смуты.

Помѣщикамъ слѣдовало, казалось бы, видя наростающее недовольство, не озлоблять населенія и проявить хотя бы тѣнь вниманія къ его положенію. Можно было бы найти почву для взаимныхъ уступокъ. Ничтожный шагъ въ этомъ направленіи показалъ бы населенію, что нужды его тоже имѣютъ свою долю общественнаго вниманія и при нѣкоторомъ, можетъ быть не особенно большомъ усиліи, можно было бы сдѣлать агитацію въ деревнѣ безпочвенной. Между тѣмъ мало культурная народная масса,

издавна питавшая ненависть къ нѣмецкимъ помѣщикамъ, еще болѣе разжигалась безтактными дѣйствіями почетныхъ полицейскихъ, комплектовавшихся изъ тѣхъ же помѣщиковъ. Въ дѣйствіяхъ этихъ не было гуманности, но не было и твердости; жестокость расправы свидѣтельствовала скорѣе о слабости, а преслѣдованія были направлены не противъ отдѣльныхъ вредныхъ личностей, а противъ всего латышскаго народа. Руководимыя полиціей мелкія части войскъ не могли, да и не имѣли права разбираться въ томъ, кто правъ, кто виноватъ. Отсюда возникло въ умахъ народа убѣжденіе, что войска наняты нѣмцами, и что это даже и не войска вовсе, а переодѣтые наемники. Отрядамъ карательныхъ экспедицій пришлось, между прочимъ, поддержать поколебленный престижъ правительственныхъ войскъ. Это было достигнуто не столько репрессіями, сколько твердостью и опредѣленностью требованій и справедливостью разбора даже мельчайшихъ дѣлъ. При самомъ небольшомъ усиліи со стороны войскъ сразу явилось и со стороны народа довѣріе къ нимъ, вмѣстѣ съ безпрекословнымъ исполненіемъ войсковыхъ требованій.

Въ одномъ изъ отрядовъ была принята мѣра: постановлено, чтобы виновные сами явились съ повинной, въ этомъ случаѣ имъ гарантировалось отсутствіе немедленной расправы. Первые яви-

лись робко, ожидая ловушки. Тѣхъ, кто не были замѣшаны въ грабежахъ и убійствахъ, отпускали съ обязательствомъ явиться по первому требованію властей; замѣшанныхъ въ грабежахъ и убійствахъ арестовывали и заключали въ тюрьмы. И недавніе озлобленные революціонеры тихо и смирно сидѣли у себя по домамъ, въ ожиданіи слѣдствія и суда, ни одинъ не скрылся и не убѣжалъ. Одна мысль о возможности и для нихъ законнаго и праваго суда была достаточна, чтобы вернуть довѣріе къ правительству и его агентамъ. Несомнѣнно, что правительственная власть должна твердо и неуклонно, съ полнымъ безпристрастіемъ, карать за противогосударственные проступки и ни одинъ изъ участниковъ возмущенія, сопряженнаго съ кровью и насиліями, не можетъ миновать строгаго суда. Но несомнѣнно и то, что дѣйствіямъ этой власти не слѣдуетъ носить характеръ мести и имъ должно сопуствовать великодушіе, свойственное истинной силѣ. Мѣра, о которой идетъ рѣчь, относилась именно къ разряду мѣръ послѣдняго характера. Необходимо всѣми силами поддерживать внутренній авторитетъ власти, безъ котораго никакими мѣрами не вернуть ей довѣрія со стороны массы. Внѣшній авторитетъ поддерживается силой. Но силѣ можно противопоставить силу же. Внутреннему авторитету противопоставляется только внутреній, котораго у ны-

нѣшнихъ руководителей революціоннаго движенія, пока что, нѣтъ. На этой почвѣ необходимо бороться съ революціонерами нашихъ дней и именно на этой почвѣ можно ожидать быстрыхъ, опредѣленныхъ и желательныхъ въ государственномъ смыслѣ результатовъ.

Бездѣятельность администраціи выразилась въ томъ, что движеніе не было взято въ руки ея агентами, къ чему имѣлась полная возможность. Дѣйствія мѣстной власти въ первый періодъ возстанія носили характеръ полной растерянности и нерѣшительности. Было упомянуто раньше, что въ началѣ ноября 1905 г. въ гор. Ригѣ съ разрѣшенія подлежащихъ властей былъ собранъ съѣздъ волостныхъ старшинъ и писарей Рижскаго уѣзда. На съѣздѣ этомъ были возбуждены нѣкоторые вопросы. Было разрѣшено избрать коммисію для выработки программы. Еслибы въ эту коммисію были назначены и чины уѣздной администраціи, то совмѣстная работа если не задержала грядущія событія, то все же придала бы имъ иную, менѣе острую форму. Но этой мѣры не было принято, и моментъ, когда можно было бы при извѣстной гибкости и ловкости овладѣть движеніемъ, упущенъ. Съѣздъ вынесъ резолюцію, которой требовалъ:

a) производства въ скорѣйшемъ будущемъ выборовъ всѣхъ, безъ исключенія, должностныхъ лицъ волостного общественнаго управленія; пе-

ревыбору подвергнуть также волостныхъ писарей и учителей; къ выборамъ допустить всѣхъ безъ исключенія лицъ, проживающихъ въ волости, достигшихъ 21 года.

б) производства выборовъ безъ всякихъ ограниченій съ опредѣленіемъ однако трехлѣтняго срока службы, съ ежегоднымъ перевыборомъ $^{1}/_{3}$ должностныхъ лицъ; прямого и непосредственнаго выбора на всѣ должности общимъ сходомъ, безъ утвержденія въ должностяхъ, дѣлая избранныхъ лицъ отвѣтственными только передъ избирателями и судомъ; примѣненія сихъ правилъ по отношенію къ волостнымъ писарямъ и учителямъ; ревизіонная коммисія избирается сходомъ.

в) введенія съ сего числа какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ дѣлопроизводствахъ волостныхъ правленій и суда народнаго языка.

г) отмѣны: 1) обязательнаго страхованія общественныхъ строеній въ губ. обязат. страхов. и 2) обязательнаго заказа книгъ и бланковъ волостного правленія въ губернской типографіи съ 1 января 1906 г.

д) переложенія всѣхъ натуральныхъ повинностей на деньги, съ возложеніемъ на всю землю, промышленниковъ и торговцевъ; отмѣны регулятивныхъ повинностей, причемъ уплату земскихъ и почтовыхъ сборовъ пріостановить впредь до сообщенія дворянствомъ спеціальныхъ

отчетовъ объ израсходованіи сихъ суммъ въ прежніе годы, а впредь, при раскладкѣ, допустить представителей отъ всѣхъ плательщиковъ сихъ повинностей.

е) обязанія всѣхъ лицъ духовнаго вѣдомства о каждомъ случаѣ рожденія, бракосочетанія и смерти сообщать всѣмъ правленіямъ; отмѣны веденія посемейныхъ списковъ, оставляя лишь волостные списки, въ измѣненномъ видѣ (а именно: отмѣна веденія этой книги на 3 года и раздѣленія лицъ на разряды).

ж) упраздненія вотчинныхъ полицій, съ возложеніемъ всѣхъ полицейскихъ обязанностей въ раіонѣ волости на волостныхъ должностныхъ лицъ.

з) немедленнаго упраздненія патронатскаго права.

и) немедленной выработки новой программы волостной школы, съ введеніемъ родного языка—языкомъ преподаванія.

Примѣчаніе: завѣдываніе школою принадлежитъ обществу.

к) замѣны общественнаго сбора прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ, взимаемымъ со всѣхъ проживающихъ въ волости лицъ, включая всѣхъ промышленниковъ, торговцевъ и землевладѣльцевъ (не исключая и мызныхъ земель).

л) обязанія помѣщиковъ распродать въ короткій срокъ, по сходнымъ цѣнамъ, всѣ кре-

стьянскія и квотныя земельныя единицы и находящіеся въ пользованіи отдѣльныхъ лицъ участки мызной земли; отмѣны раздѣленія земель волости на категоріи.

м) немедленнаго введенія самоуправленія; учрежденія всесословной земской единицы, съ уничтоженіемъ всѣхъ сословныхъ правъ и привилегій и упраздненіемъ сословныхъ учрежденій; немедленнаго введенія правъ, дарованныхъ манифестомъ 17 октября 1905 г.; установленія прогрессивнаго подоходнаго налога, съ отнесеніемъ на таковой всѣхъ расходовъ и повинностей.

н) немедленной отмѣны военнаго положенія и усиленной охраны и удаленія войскъ;

о) немедленнаго закрытія (въ деревнѣ), временно, всѣхъ питейныхъ заведеній, впредь до разрѣшенія вопроса о правѣ ихъ открытія.

Кромѣ того съѣздъ постановилъ принять во вниманіе и исполненіе представленный волостнымъ писаремъ Кродеромъ проектъ самоуправленія.

Въ серединѣ того же ноября писарь Кродеръ обратился къ лифляндскому губернатору за разрѣшеніемъ собрать съѣздъ всѣхъ волостныхъ старшинъ Курляндіи и Лифляндіи въ домѣ латышскаго собранія въ Ригѣ. Съѣздъ этотъ не былъ разрѣшенъ. Однако въ тотъ же день онъ собрался, былъ открытъ тамъ же и засѣдалъ три дня. Резолюція, имъ вынесенная, была явно

революціоннаго направленія, до постановленія о прекращеніи сношеній съ правительствомъ и вооруженной защитѣ включительно. Съѣздъ этотъ въ сущности былъ ширмой, за которой дѣйствовалъ федеративный комитетъ — настоящее временное правительство. Средства воспрепятствовать работѣ этого съѣзда въ рукахъ администраціи имѣлись, но она ими не воспользовалась и не рѣшилась разогнать силою самовольно собравшихся делегатовъ. Позже на улицахъ города была расклеена телеграмма съ просьбой о снятіи военнаго положенія. Подъ этой телеграммой, въ числѣ прочихъ, имѣлась подпись лицъ, занимавшихъ извѣстное положеніе въ губернской іерархіи. Это истолковали, какъ проявленіе слабости. Во всякомъ случаѣ мѣра эта была, по меньшей мѣрѣ, не своевременной.

Вліяніе общихъ событій въ Россіи выразилось въ томъ, что возстаніе быстро разрослось и приняло вооруженный характеръ въ надеждѣ, что поколебленное революціей правительство не въ силахъ будетъ съ нимъ справиться и пойдетъ на уступки. Это вліяніе впрочемъ прекратилось весьма быстро, и позже событія, происходившія не только въ глубинѣ Россіи, но и въ близкомъ сосѣдствѣ съ Прибалтійскимъ краемъ, не оставляли ни малѣйшаго слѣда въ немъ и не производили положительно никакого впечатлѣнія. Доказательствомъ сказаннаго служитъ

печальный случай на крейсерѣ «Память Азова». Въ іюлѣ 1906 г. минный крейсеръ «Абрекъ», ходившій въ Ревель за провизіей, привезъ съ собой нѣсколько матросовъ съ крейсера «Память Азова», среди которыхъ находился агитаторъ Петровъ, переодѣтый матросомъ. Присутствіе посторонняго человѣка въ прибывшей командѣ замѣтилъ матросъ Тильманъ и доложилъ объ этомъ старшему офицеру, за что позже былъ убитъ. Офицеръ произвелъ осмотръ помѣщенія, гдѣ ночевали матросы, причемъ Петровъ былъ обнаруженъ и арестованъ. Черезъ нѣсколько минутъ на палубѣ раздались выстрѣлы, направленнные въ офицеровъ крейсера. Первымъ былъ убитъ вахтенный начальникъ, затѣмъ тяжело ранены командиръ крейсера и старшій офицеръ. Взбунтовавшаяся команда, прячась по коечнымъ сѣткамъ, стала стрѣлять по появляющимся офицерамъ на верхней палубѣ, а черезъ люки въ офицеровъ, вошедшихъ въ батарейную палубу. Офицеры, видя безвыходное свое положеніе, рѣшили попытаться покинуть крейсеръ на портовомъ таранномъ баркасѣ; впопыхахъ не замѣтили, что на крейсерѣ остались еще четверо офицеровъ, ихъ считали убитыми. Какъ только баркасъ отвалилъ отъ крейсера, на него посыпались выстрѣлы изъ ружей и мелкихъ орудій. Изъ находившихся на баркасѣ офицеровъ было убито два, ранено че-

тыре человѣка. Всѣхъ же убитыхъ при мятежѣ офицеровъ было семь, раненыхъ—шесть. Не доходя 50 саженей до берега, баркасъ получилъ 5 подводныхъ пробоинъ и затонулъ. Бывшіе на немъ оставшіеся въ живыхъ офицеры вплавь достигли берега и скрылись вь лѣсу. Между тѣмъ крейсеръ «Память Азова» развелъ пары, снялся съ якоря и сталъ у выхода изъ бухты, угрожая находившимся тамъ миннымъ крейсерамъ и миноноскамъ. Миноноска № 106 попыталась выйти, но сейчасъ же была обстрѣлена 6″ снарядами. Позже крейсеръ «Память Азова» ушелъ изъ бухты въ море. Суда, находившіяся въ бухтѣ, участія въ бунтѣ не принимали. Въ исходѣ третьяго часа дня 20 іюля на горизонтѣ города. Ревеля показался мятежный крейсеръ. Впереди его шла тѣмъ-же ходомъ номерная миноноска, вошедшая полнымъ ходомъ въ портъ. Въ портѣ и городѣ уже были приняты всѣ мѣры и миноска была пропущена только потому, что на палубѣ стоялъ офицеръ. Оказалось, что это все таже молодецкая миноноска № 106 подъ командой лейтенанта Козлянинова, команда которой осталась вѣрной долгу. Она прорвалась изъ бухты Папенвикъ, не смотря на огонь съ «Памяти Азова», и ушла отъ него благодаря большому ходу. Около 6 часовъ вечера крейсеръ отдалъ якорь ввиду Ревеля. На немъ поднялся сильный крикъ, были слышны выстрѣлы, нѣ-

сколько человѣкъ бросились за бортъ. Наконецъ былъ поднятъ сигналъ: «терплю бѣдствіе», «прошу помощи», а на кормѣ махали бѣлой простыней. Вслѣдъ затѣмъ съ крейсера спустили шлюпку, на которой прибыли въ портъ три офицера и доложили, что мятежъ на крейсерѣ подавленъ оставшейся вѣрной частью экипажа и просили о нарядѣ судовъ и конвоя для сопровожденія арестованныхъ мятежниковъ. Всего арестовано было 221 матросъ и 4 штатскихъ агитатора. Таковъ былъ въ общихъ чертахъ ходъ мятежа на «Памяти Азова». Извѣстіе о немъ распространилось съ быстротою молніи по всему краю и въ сильно преувеличенномъ видѣ. Однакоже, ни сочувствія, ни малѣйшей поддержки случай этотъ не встрѣтилъ, и положительно ничѣмъ не отразился на ходѣ событій ни во время этого военнаго бунта, ни послѣ его. Не оказали никакого вліянія и предшествовавшія событія въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ. Продолжавшееся движеніе въ Прибалтійскомъ краѣ питалось исключительно за свой счетъ и вдохновлялось только своими собственными мѣстными руководителями.

VII.

Въ заключеніе привожу три человѣческихъ документа — три разсказа трехъ участниковъ движенія. Первый изъ нихъ принадлежитъ сельскому учителю; второй—деревенскому священнику. Авторъ третьяго разсказа простой крестьянинъ, человѣкъ идейный и совершенно не озлобленный, убѣжденный врагъ всякаго насилія и убійствъ, на какой бы почвѣ они ни происходили. Привожу всѣ три разсказа, какъ первоисточники, безъ всякихъ поправокъ и коментаріевъ, сохраняя по возможности ихъ языкъ и стиль. Разсказы эти интересны въ томъ отношеніи, что они исходятъ съ латышской стороны, которую, какъ кажется, никто до сихъ не выслушивалъ. Такое отношеніе къ доброй половинѣ населенія (рѣчь идетъ о Лифляндіи) было достаточно близоруко и привело къ кровавымъ безпорядкамъ, которые пришлось подавить вооруженной силой и, неурядицѣ, длящейся и до настоящаго времени.

Разсказъ первый.

До 1887 года народная школа въ Прибалтійскомъ краѣ находилась подъ сильнымъ вліяніемъ пасторовъ-нѣмцевъ. Первое мѣсто въ программѣ отведено было Закону Божію, а второе мѣсто въ приходскихъ школахъ принадлежало нѣмецкому языку. Недостатокъ этой программы заключался въ томъ, что русскому языку было отведено слишкомъ мало мѣста. Все русское презиралось и даже преслѣдовалось. Народъ требовалъ введенія безплатнаго обученія также и русскому языку. Народъ съ радостью привѣтствовалъ реформы 1887 г. Но вскорѣ пришло разочарованіе. Русскій языкъ въ программѣ сдѣлался всѣмъ. Предписывалось всѣ предметы, за исключеніемъ родного языка и Закона Божія, обучать съ перваго дня на русскомъ, для дѣтей совершенно чужомъ языкѣ. Вышло нѣчто въ родѣ школы глухо-нѣмыхъ. Воспрещалось употреблять переводъ. Пытались обойтись совсѣмъ безъ латышскаго языка: раз-

мѣстили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русскихъ учителей, не знающихъ ни слова по-латышски. Эти опыты, правда, кончились весьма печально: такія школы опустѣли. Народъ негодовалъ. Учительскіе съѣзды запрещались. Когда наконецъ въ Рижскомъ уѣздѣ былъ устроенъ первый учительскій съѣздъ, то оказалось, что всѣ учителя находятся въ оппозиціи къ чрезмѣрному рвенію къ русскому языку. Послѣ этого съѣзда стали допускать, какъ вспомогательное средство для объясненія отвлеченнныхъ понятій, и латышскій языкъ. На этомъ и остановились. Закономъ запрещалось сердечное отношеніе инспекторовъ къ учителямъ. Учителя, рискуя попасть въ число «неблагонадежныхъ», молчали передъ чиновниками-инспекторами или безсовѣстно лгали и льстили. Инспектора не учились латышскому языку и не могли сблизиться съ народомъ и у него узнать истинное положеніе вещей. Нашъ волостной сходъ и другіе волостные сходы постановляли требовать исполненія закона 1887 г. отъ учителей, и сообщали объ этомъ инспекторамъ. Я обратился за помощью къ инспектору Правдину. Просилъ я его выѣхать, переговорить, убѣдить народъ и убѣдится самому въ томъ, какъ настроенъ народъ. Я предупреждалъ его, что если не будутъ приняты мѣры, то могутъ случиться большіе скандалы. Но.,. инспектора молчали. Я былъ у г. Пра-

вдина съ 12—15 октября 1905 г. Я увѣр
что еслибы школьное начальство отнес
къ народнымъ нуждамъ внимательнѣе, то
ло приняло бы совсѣмъ другой, болѣе или
нѣе легальный видъ. Инспектора приг
ли учителямъ лишить ихъ мѣста въ сл
исполненія предписаній волости. Учите
же волости не платили жалованья и
которыхъ непослушныхъ учителей народъ
бросилъ на улицу. Что тутъ было дѣлать?
Бога высоко, до инспектора далеко, а на
кругомъ и около. Инспекторъ могъ лишить
ста, а разъяренная толпа могла лишить х
и даже жизни. По убѣжденію и совѣсти го
народныя требованія до нѣкоторой степени
лежатъ удовлетворенію. Если бы со стор
властей было бы выражено сочувствіе и
сколько-нибудь надежды на то, что̀ что-нибуд
детъ исполнено, то большинство народа
илось бы, мирно ждало бы реформъ. Револ
по этой части не было бы.

Лютеранскіе пасторы, желая ли парализо
руссификацію, желая ли вызвать революцію,
бы во время смуты опять вернуться къ
гимъ дореформеннымъ временамъ, или по
гимъ соображеніямъ, — переполнили прогр
требованіями по Закону Божію: задавали за
вать ученикамъ столько, сколько имъ было
вершенно непосильно. Отсюда фактъ совер

наго исключенія Закона изъ программы школы, что очевидно составляетъ *полную крайность*.

Въ киркахъ пасторы только ругались надъ соціалистами, но нисколько не противодѣйствовали благоразумнымъ объясненіемъ заблужденій, выраженіемъ сочувствія истиннымъ потребностямъ народа и введеніемъ реформъ тамъ, гдѣ имъ вполнѣ самимъ возможно было что-нибудь сдѣлать. Я вполнѣ убѣжденъ, что еслибы прибалтійскіе православные приходы были изолированы, то въ нихъ по этой части не было бы и малѣйшаго слѣда революціи. Если православныя церкви то тамъ, то сямъ и закрывались, то всегда только изъ-за солидарности съ лютеранами, а не ради себя. Я въ числѣ пяти депутатовъ отъ лаудонскаго и лаздонскаго лютеранскихъ приходовъ обратился къ консисторіи въ Ригѣ съ цѣлью разъяснить ей истинное положеніе приходовъ. Но консисторія не хотѣла насъ слушать и грубо показала намъ двери, прибавляя, что имъ отъ насъ ничего не нужно. Выходитъ, что приходы существуютъ для пасторовъ и консисторіи, а не наоборотъ.

Народные учителя подвергались гоненію со стороны пасторовъ даже съ каѳедры въ киркѣ. Г.г. инспектора также, особенно болѣе или менѣе самостоятельныхъ въ своихъ убѣжденіяхъ, учителей ненавидѣли или по крайней мѣрѣ не защищали, когда на народныхъ педагоговъ на-

падали изъ-за личныхъ эгоистических
товъ «сильные» въ волости. Учитель м
чался отъ пролетарія, даже въ исключи
случаяхъ стоялъ ниже его. Учитель—
никъ истины и справедливости, не вс
у кого сочувствія и поддержки, не
подъ собою прочнаго фундамента, заш
канулъ въ общее теченіе народнаго

Основательныя реформы школы и ц
участіи свободныхъ выборныхъ отъ
изъ среды учителей и духовенства съ
рѣшающаго голоса положатъ прочное
спокойствію и благоденствію страны
отечества. А какія именно реформы же
это выражено во многихъ петиціяхъ, с
ныхъ на основаніи указа отъ 18
1905 года.

Бывшій лифляндскій губернаторъ
пользовался репутаціею защитника н
интересовъ. Уходъ его народная молва о
интригами дворянъ помѣщиковъ. Дѣйст
съ его уходомъ стали больше примѣня
пресіи, стали появляться отряды п
конныхъ. При разъѣздахъ отрядовъ пр
вали управляющіе, дворяне; они же ст
мать мѣста добровольныхъ полицейски
ды (казаки) часто избивали совершенно
ныхъ людей. Народъ объяснилъ это
дворянъ-помѣщиковъ. Гдѣ помѣщики у

съ народомъ, тамъ казаковъ не было и народъ оставался совершенно спокойнымъ. Казаки, можетъ быть по наущенію помѣщиковъ, относились къ народу съ недовѣріемъ и даже непріязненно. Это въ свою очередь вызывало въ народѣ раздраженіе. Полиція злоупотребляла своимъ правомъ и обвиняла совсѣмъ невинныхъ. Полиція также пользовалась услугами самыхъ темныхъ личностей, которыя за деньги и личные счеты оклеветывали невинныхъ людей. Попасть въ тюрьму можно было всякому. Послѣ этого тюрьма стала считаться не позоромъ, а почетомъ. А темная гроза революціи свободно надвигалась, благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ. Что было дѣлать? Волостные сходы собрались, составили прошенія, подписали, избрали депутатовъ, собрали деньги на путевыя издержки депутатовъ и отправили ихъ съ трепетнымъ ожиданіемъ въ Ригу къ г. губернатору, а если тамъ не удовлетворятъ, то къ самому министру. Въ числѣ избранныхъ депутатовъ очутился и я, какъ владѣющій русскимъ языкомъ. Только-что вновь назначенный губернаторъ принялъ насъ очень ласково и обѣщался немедленно сдѣлать строжайшее слѣдствіе по нашей жалобѣ. Мы хотѣли вернуться домой, когда на другой день были совсѣмъ ошеломлены сообщеніемъ нашихъ товарищей, по такимъ же дѣламъ бывшихъ

у губернатора на другой день. Оказалось, что губернаторъ круто измѣнился въ своихъ взглядахъ за одну ночь. Виноватымъ, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ оказался народъ, а для отвращенія бѣды военнаго положенія и отозванія казаковъ народъ долженъ успокоиться. Мы отправились въ Петербургъ. Тамъ министръ внутреннихъ дѣлъ прочелъ наши прошенія и отправилъ къ генералу Трепову. Тотъ не далъ намъ времени объяснить наше положеніе, а велѣлъ объявить нашимъ волостямъ приблизительно слѣдующее: «Безпорядки у васъ были, а потому были высланы туда казаки. Если спокойствія не будетъ, то будетъ выслано войска вдвое и втрое больше теперешняго. Отсѣкутъ, въ случаѣ неуспокоенія, пятистамъ, тысячѣ и еще большему количеству народа головы, введутъ военное положеніе, по которому присудятъ къ смерти въ 24 часа. *Ступайте, скажите вашимъ волостямъ это*». Мы вернулись домой, и хотѣли исполнить приказаніе генерала Трепова: объявить то, что намъ было имъ сказано. Волостной старшина побоялся отъ себя, на свою отвѣтственность, созвать сходъ. Онъ обратился къ младшему помощнику начальника и къ комиссару за разрѣшеніемъ. Разрѣшеніе не было дано. А по моему мнѣнію наше объясненіе въ то время могло имѣть сильное вліяніе, потому что это было еще въ началѣ пожара. Народъ терялъ всякую на-

дежду на вниманіе къ его нуждамъ высшаго начальства.

Полиція арестованныхъ людей не допрашивала, а вѣрила своимъ доносчикамъ. Истинное положеніе края начальству осталось не извѣстнымъ. Относилась бы полиція сколько-нибудь съ довѣріемъ къ обывателю и со вниманіемъ и сочувствіемъ къ его участи, народъ бы бросился въ ея объятія и открылъ бы свои страшныя язвы. Но этого не было. Одинъ полицейскій не довѣрялъ другому. Въ народѣ составилось мнѣніе, что полиція не для поддержанія порядка, спокойствія и блага народа, а совершенно наоборотъ. Полицейскіе безсердечны. Имъ показывать истины не зачѣмъ, ибо всякое слово будетъ истолковано въ дурномъ смыслѣ, а потому лучше молчать при допросахъ. Молчали тѣ, которымъ слѣдовало говорить, а болтали глупцы, которымъ слѣдовало бы молчать, потому послѣдніе наговорили безсмыслицу: доносили на другихъ, чтобы себя оправдать и освободиться. Видя междоусобіе полицейскихъ и зная недовѣріе народа къ полиціи, городскіе незнакомые агитаторы стали появляться все чаще и чаще. До сихъ поръ они не имѣли успѣха, а когда улучшились обстоятельства, тогда успѣхи ихъ стали замѣтно увеличиваться. Агитаторы всегда были и будутъ, но успѣхъ они будутъ имѣть только при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Затѣмъ начался терроръ, побѣги дворянъ, пасторовъ и обвиненныхъ въ шпіонствѣ, поджоги. Полицейскіе (особенно нѣмцы) видѣли во всякомъ болѣе или менѣе интелигентномъ человѣкѣ «бунтовщика». Обыскивали ихъ безпрестанно по ночамъ, хотя и безуспѣшно. Если ничего не находили, то все же не оправдывали, а говорили, что скрываютъ опасныя вещи. Этакимъ манеромъ самыхъ тихихъ людей сама полиція толкала въ теченіе народнаго движенія. Когда стали циркулировать слухи о «черной сотнѣ», тогда весь народъ, въ страшномъ возбужденіи, впалъ въ отчаяніе. Поддержки моральной и физической не откуда было ждать. Народъ готовъ былъ рѣшиться на самые неразумные поступки. Къ этому побуждали тайные агенты и словомъ и дѣломъ. Только до нѣкоторой степени удалось прогресивнымъ элементамъ пріобрѣсти довѣріе и этимъ довѣріемъ направить движеніе въ болѣе умѣренную сторону. Надо было опасаться на каждомъ шагу потѣрять довѣріе и тѣмъ болѣе навлечь подозрѣніе. Въ послѣднемъ случаѣ можно было потерять голову. Намъ, членамъ волостного бюро и лицамъ, дѣйствующимъ за одно съ бюро, пригрозили нѣсколько разъ разстрѣломъ. Эта угроза не была только тайная, но даже на митингѣ.

Одинъ изъ начальниковъ уѣздовъ самъ намъ говорилъ, что полицейскіе по уѣзду страшно рас-

пущены и что ему очень трудно ихъ «подтягивать», онъ находитъ весьма вреднымъ участіе въ полицейской службѣ вольнонаемныхъ приставовъ-дворянъ.

Самую грубую ошибку, по моему мнѣнію, власти (мѣстныя) допустили, что велѣли всѣмъ отрядамъ покинуть страну и уѣхать въ города. Народъ нашелъ какъ бы оправданіе тѣмъ слухамъ, что войска и дворянство все едино, что власти слабы, коли бѣгутъ отъ шаекъ. Послѣ ухода войскъ и полиціи изъ страны (селъ, деревень и имѣній), новыя правленія стали упорядочивать страну, но встрѣчали препятствія отъ необразованныхъ, темныхъ элементовъ. Послѣдніе хотѣли все раздѣлить, все конфисковать. Этимъ подняли крайніе элементы большинство противъ себя. Грозила подняться одна часть (батраки) противъ другой (дворохозяевъ). Въ такомъ состояніи пришли царскія войска. Еслибы тогда возможно было все какъ слѣдуетъ объяснить, то страна сразу бы успокоилась, т. е. вся цѣликомъ принесла бы раскаяніе.

Манифестъ 17 октября былъ принятъ народомъ съ неописаннымъ восторгомъ. Со слезами на глазахъ слушали чтеніе его въ церквахъ и возносили горячія молитвы ко престолу Всевышняго за здравіе и благоденствіе Государя...

По распоряженію г. губернатора манифестъ былъ объявленъ массѣ народа въ волостныхъ правленіяхъ. И на основаніи манифеста, по при-

съѣздъ волостныхъ старшинъ и писарей Лифляндской и Курляндской губерній и тамъ рѣшено игнорировать всѣ существующія власти, такъ какъ будто они идутъ противъ манифеста 17 октября.

Постановленіе это было приведено во всѣхъ волостяхъ Лифляндіи и Курляндіи въ исполненіе. Старыя власти были вполнѣ игнорированы и до 10 декабря должны были всюду быть избраны новыя, выбранныя на основаніи всеобщаго и равнаго голосованія.

Какъ только начались митинги, первое народное неудовольствіе обрушилось на лютеранскихъ пасторовъ, которыхъ почти всѣхъ бойкотировали и во многихъ киркахъ были устроены митинти, за неимѣніемъ крытыхъ помѣщеній. Масса народа этимъ была крайне возмущена противъ руководителей и особенно пришлыхъ агитаторовъ, но активнаго противодѣйствія не осмѣливалась выразить противъ этихъ безобразій, боясь мести.

Естественно, что при такой жизни умы людей были возбуждены до крайностей. Народъ продолжала возбуждать подпольная агитація крайнихъ элементовъ—прокламаціями, а также являющіеся всюду на митингахъ пришлые агитаторы. Противъ всего движенія ополчились нѣмцы, начали вооруженіе самообороны. Какъ говорили въ народѣ и всѣ мѣстныя газеты открыто свидѣтельствовали, нѣмцы выписали на 15 ты-

сячъ руб. оружія, выписали изъ-за границы на помощь разныхъ «шустеровъ», а для избіенія народа пригласили черкесовъ съ особыми собаками, которыя всѣхъ тѣхъ, кто скроется въ лѣсахъ, моментально найдутъ. И всѣхъ этихъ ужасныхъ пугалъ народа назвали «черною сотнею».

Страхъ народа передъ «черною сотнею» былъ неописуемъ. Всѣ помыслы народа были направлены—какъ отстоять себя отъ грядущихъ бѣдъ. Этимъ окончательно воспользовались крайніе элементы и, увеличивая слухи про ужасы «черной сотни», сплотили окончательно все населеніе въ одну массу, такъ какъ до этого момента мелкіе дворохозяева и большая часть благоразумныхъ рабочихъ всегда скептически относились къ несбыточнымъ бреднямъ агитаторовъ и прокламаціямъ и всегда стояли на законной почвѣ мирнаго рѣшенія вопросовъ.

Но молва и факты про «черную сотню» до того измѣнили положеніе, что даже нѣкоторые помѣщики примкнули къ народу и, какъ говорятъ, совмѣстно организовали самооборону.

Таково было настроеніе массы народа, когда въ газетахъ было объявлено военное положеніе въ концѣ ноября мѣсяца.

Народные умы были доведены до крайности. Всѣ понимали дѣло такъ, что теперь исполнится то, что предсказывали помѣщики, что всю страну

превратятъ въ пустыню, а «черная сотня» подъ покровомъ войскъ расправится по-своему. Гнѣвъ народа моментально обратился на нѣмцевъ, начались поджоги замковъ, какъ очаговъ бѣдствій народа. Помѣщики всѣ начали оставлять свои владѣнія, или прямо изгонялись изъ имѣній, войскъ было мало и войска тоже начали стягиваться и оставлять край.

У насъ къ этому времени войскъ не было, но руководители все же были принуждены собрать народъ, чтобы рѣшить, какъ быть народу и что предпринять къ огражденію отъ «черной сотни». Къ несчастію для насъ, какъ разъ въ то время, когда народъ собирался на митингъ, мимо волостного дома проѣзжала вооруженная толпа нѣмцевъ изъ 11 человѣкъ и 7 юношей верхами, всѣ направили ружья и револьверы на толпу... Тутъ уже и толпа и всѣ, кто еще не вѣрилъ, были вполнѣ убѣждены, что это и есть часть «черной сотни». И когда были они обезоружены въ пасторатѣ, то оказалось, что это пасторъ съ семьею и членами самообороны, нѣсколько заграничныхъ подданныхъ, были студенты, бароны и простые смертные. Выдали они народу 32 оружія, говорятъ, самыхъ новѣйшихъ системъ и 3000 патроновъ. Кромѣ того были отобраны какіе-то резиновыя палки, которыя народъ называлъ «пипками». Послѣ разоруженія мѣстному народу съ этими

культуртрегерами была непріятная возня, такъ какъ пришлось оберегать вооруженною силою ихъ жизнь, потому что ихъ требовали выдать пришлые съ тѣхъ мѣстъ, откуда они пріѣхали, причемъ требовавшіе говорили, что они грабили и истязали народъ. Скоро къ этому прибавились другіе разоруженные помѣщики изъ другихъ мѣстъ и также драгуны, изъ которыхъ 7 человѣкъ были больные и раненые. Всѣхъ ихъ мы приняли подъ свою защиту—солдатъ больныхъ помѣщали въ больницу, заставили мѣстнаго доктора лечить, а здоровыхъ разобрали по рукамъ, съ поручительствомъ отвѣчать за ихъ жизнь и спокойствіе.

Мы данное слово сдержали, всѣ были освобождены и никто ничего не потерпѣлъ, кромѣ пяти человѣкъ, которыхъ пришлая вооруженная толпа увела и разстрѣляла, въ томъ числѣ и помѣщика П.

Причина такой расправы, какъ народъ говорить, была слѣдующая:

Когда началось обозленное народное движеніе, то всѣ помѣщики рѣшили удалиться въ Ригу подъ прикрытіемъ войсковыхъ частей. Помѣщикъ П. съ отрядомъ драгунъ направился мимо Сиссегаля въ Ремерсгофъ, гдѣ было приказано всѣмъ войсковымъ частямъ собраться вмѣстѣ. По дорогѣ П. были арестованы два человѣка и жестоко избиты, такъ что слѣды крови были

на дорогѣ. Это извѣстіе достигло сиссегальскаго митинга, гдѣ и было немедленно рѣшено отбить арестованныхъ и спасти. Масса народу, кто съ оружіемъ въ рукахъ, кто и безъ оружія пустились въ погоню за П. и настигла его въ Ремерсгофѣ. Въ Ремерсгофѣ же найдены были оба арестованныхъ, одинъ былъ уже мертвъ, а другой оказался живымъ, но только раненымъ, такъ какъ онъ притворился мертвымъ. Послѣднiй разсказалъ всѣ ужасы, которые продѣлывали надъ нимъ, и все это вопреки приказанію начальника отряда.

Кромѣ того много ужасовъ разсказывалъ народъ про дѣятельность П. и задержанныхъ съ нимъ... Но такъ какъ ихъ дѣятельность не была въ нашей волости, то мы не желали и не приняли ихъ крови на свои руки, такъ какъ уже изувѣрились въ разныхъ слухахъ и многіе слухи были выдуманы и раздуты.

Убійствами, поджогами, грабежами большая часть народа была страшно возмущена, злоба ихъ обратилась противъ агитаторовъ и руководителей, потому что ужасамъ конца не предвидѣлось; власть и сила перешли въ руки безработныхъ и рабочихъ, особенно хозяева ничего добраго не могли ожидать. Больше мѣсяца народъ жилъ до того въ напряженномъ состояніи, что уже съ нетерпѣніемъ ожидалъ спасенія отъ прави-

тельства. Ждали войскъ, какъ спасителей и водворителей спокойствія и законности. Всѣ агитаторы и даже большинство руководителей должны были скрыться отъ расправы народа и уже несомнѣнно отъ передачи ихъ властямъ и войскамъ.

Разсказъ второй.

Волненіе между латышами началось и первоначально развилось на почвѣ экономическихъ и правовыхъ условій жизни, а только въ самое послѣднее время къ этимъ условіямъ присоединились политическія требованія.

До введенія реформъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія коренное населеніе Прибалтійскаго края—латыши и эстонцы были въ полномъ рабствѣ у горсточки нѣмцевъ. Правъ никакихъ они не имѣли. Всѣ административныя, судебныя, полицейскія инстанціи были въ рукахъ нѣмцевъ и ихъ приспѣшниковъ, и, пользуясь этимъ, нѣмцы дѣлали, что хотѣли, и всѣхъ держали въ кабалѣ. Особенно чувствительно было для народа то, что не только вся мірская жизнь ихъ, но и чисто духовно-религіозная находилась въ такомъ же положеніи. Руководители этой духовной жизни были тѣ же нѣмцы или онѣмечившіеся латыши и эсты, которые были особенно рьяными помощниками угнетателей народа. Всю-

ду, гдѣ только сталкивались они съ народомъ, не исключая кирокъ, они проводили и проповѣдывали свои идеи: терпѣніе, безпрекословное повиновеніе и пресмыканіе предъ всѣми «господами», и все это часто сопровождалось площадной руганью. Если же кто осмѣливался поднять голосъ протеста, тотъ неизбѣжно подвергался преслѣдованію и погибалъ въ прямомъ смыслѣ этого слова.

Въ виду этого, чтобы дѣло не измѣнилось, было узаконено право патронатства, состоявшее въ томъ, что выборъ духовныхъ руководителей народа зависѣлъ вполнѣ отъ помѣщиковъ-нѣмцевъ, которые этимъ правомъ всецѣло и пользовались: выбирали только тѣхъ, кто былъ имъ угоденъ.

Забота о народѣ выражалась только въ томъ, чтобы онъ какъ-нибудь не пришелъ въ сознаніе своего плачевнаго состоянія; первымъ и главнымъ средствомъ было не давать народу и всѣми способами удерживать его отъ образованія. Школы не заводились, а гдѣ и были, то исключительно только грамотности и катихизическія. Отъ изученія нѣмецкаго языка берегли «бауеровъ»-мужичковъ, какъ отъ огня. Если же кто-нибудь случайно изучилъ нѣмецкую рѣчь, то того старались окончательно онѣмечить и сдѣлать орудіемъ гнета своихъ сродниковъ. Въ комъ же замѣчался духъ свободы и симпатіи къ своимъ братьямъ, того устраняли всякими сред-

ствами. (Примѣръ: гоненіе латыша Безбардиса, редактора латышской газеты «Peterburgas Awise», который изъ каторги былъ возвращенъ благодаря бывшему рижскому архіепископу Платону).

Другимъ средствомъ держанія народа во тьмѣ были корчмы и развитіе пьянства. Этимъ достигались двѣ цѣли: низведеніе народа до скотскаго состоянія, затемненіе всѣхъ добрыхъ душевныхъ силъ и высасываніе послѣднихъ грошей народнаго достатка.

При освобожденіи въ 1819 году латышей отъ крѣпостной зависимости, свобода была дана безъ земли. Народъ былъ освобожденъ отъ рабства, но прикрѣпленъ къ мѣстожительству, въ виду чего волею - неволею, чтобы окончательно не умереть отъ голода, ему пришлось идти на самыя невыгодныя сдѣлки, чтобы пользоваться землею, слѣдствіемъ чего были самыя отчаянныя арендныя условія при отбываніи барщины. Когда же въ 1861 г. помѣщики были принуждены продавать землю крестьянамъ въ собственность, то вмѣстѣ съ высокой оцѣнкою земли была строго проведена система крупнаго землепользованія, чтобы изъ мѣстныхъ же жителей оставалась вполнѣ достаточная рабочая сила въ видѣ безземельныхъ батраковъ. Если бы были мало-мальски человѣческія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ и съ самаго освобожденія началось ихъ образованіе, то смѣло можно ска-

зать, что всѣ дворохозяева и болѣе зажиточные были бы вполнѣ онѣмечены, а безземельные, батраки, окончательно угнетены и общая борьба народа противъ нѣмцевъ не была бы мыслима. Болѣе умные люди это предвидѣли и въ этомъ духѣ давали совѣты. Но вѣками вкоренившееся понятіе, что латышъ низшее созданіе и рабъ, не допустило руководителей до этого и обращеніе съ народомъ до самаго послѣдняго времени практиковалось все то же, что выработано было 600-лѣтнимъ рабствомъ.

Народъ все это ясно сознавалъ не только своей спиною, тѣломъ, но и духомъ-разумомъ, много разъ выражалъ отчаянный протестъ противъ своего печальнаго положенія, но всегда безуспѣшно, и результаты этихъ протестовъ были самые ужасные. Всегда послѣ протестовъ положеніе ухудшалось, права ограничивались, народъ все больше и больше погружался въ бѣдность тѣлесную и въ бездну темноты душевной.

Все же ничто не могло окончательно исказить народнаго духа, въ глубинѣ души народа все теплился неограниченный духъ свободы... который, чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ становится упорнѣе и грознѣе для притѣснителей.

Народный протестъ особенно ярко выразился въ движеніи 40-хъ годовъ прошлаго 19-го столѣтія. Движеніе началось на экономической почвѣ, а окончилось на религіозно-просвѣтительной, при

чемъ духъ народа одержалъ невиданную побѣду надъ своими притѣснителями, что случилось только благодаря вмѣшательству истинно-русскихъ людей и, по ихъ настоянію, русскаго правительства.

Началось это знаменательное движеніе въ виду самаго крайняго матеріальнаго обнищанія народа, вслѣдствіе голодныхъ 40—41 годовъ въ Лифляндіи и вслѣдствіе безчеловѣчности и черствости нѣмецкаго сердца. Народъ гибъ отъ голода, жажды и холода, а амбары помѣщиковъ-нѣмцевъ были переполнены плодами труда этого же народа; самъ голодный народъ все это добро въ видѣ спирта, пива, быковъ и другихъ продуктовъ долженъ былъ сплавлять и увозить въ города, для отправки за границу, а самъ онъ и его скотъ умиралъ отъ голода. Помощи отъ своихъ «вѣчныхъ благодѣтелей» никакой... и вдругъ мужички видятъ, что рука помощи протягивается откуда-то со внѣ, изъ невѣдомой матушки святой Руси! Конечно это вселило въ сердцахъ народа чувство благодарности, но вмѣстѣ съ тѣмъ темный умъ народа понялъ, что тамъ лучше, гдѣ живутъ такіе добрые люди, вотъ и причина (неопровержимая и самая логичная) стремленія народа къ переселенію въ «теплую землю»—«въ Ейскъ».

Нераздѣльно, какъ уже выше упомянуто, съ тѣлеснымъ голодомъ невыразимо чувствителенъ

былъ и духовный голодъ шестивѣковой. Въ эти тяжелыя годины духъ народный нигдѣ не находилъ утѣшенія. Пасторы, духовные руководители, продолжали издѣваться надъ своими пасомыми, призывать на голодныхъ громы небесные за пьянство, непослушаніе «господамъ» и т. д. Вотъ гдѣ почва народнаго религіознаго движенія 40-хъ годовъ, секты гернгутеровъ и перехода въ православіе латышей. Достаточно было одного, только однаго ласковаго слова латышу отъ епископа Иринарха и однаго ломтика чернаго хлѣба голодному, какъ это слово и дѣло пролетѣло по всей Лифляндіи и всколыхнуло весь народъ, который ничего подобнаго еще не слыхалъ и не чувствовалъ въ продолженіе шести сотъ лѣтъ. Но гдѣ слова любви, тамъ и вѣра любви, и вотъ причина и начало перехода латышей въ православіе.

Но все это, какъ хорошо извѣстно, представлено было за бунтъ, за народное возстаніе къ ниспроверженію существующаго порядка и подавлено страшными мѣрами. Но сѣмена свободы народнаго духа пали на добрую почву и были орошены не только слезами, но обильно и народною кровью, и конечно эти сѣмена не могли не прорасти, и проросли, и дали хорошіе плоды.

Отъ первыхъ ужасовъ народъ отдохнулъ, утихли муки изголодавшаго тѣла, и черезъ 4 года въ 1845 г. движеніе, начавшееся на экономиче-

ской почвѣ, возобновилось на чисто религіозной, и уже это движеніе «благодѣтели» народные не смогли подавить, такъ какъ тутъ вмѣшался нежданно-негаданно чужой, незнакомый нѣмцамъ, элементъ. Это истинные проповѣдники евангельской любви, православное духовенство, ознакомившіе все русское общество и весь свѣтъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ краѣ. Православное духовенство оказалось клапаномъ накопившихся народныхъ нуждъ, послужило окномъ, черезъ которое не только народъ увидѣлъ свѣтъ, другіе порядки и права, но чрезъ которое заглянуло русское общество и русское правительство въ тѣ порядки, какіе царили въ этомъ замкнутомъ со всѣхъ сторонъ и строго оберегаемомъ отъ постороннихъ взглядовъ, уголкѣ великой Руси. Всѣ средства были использованы, чтобы заткнуть это окошечко, чтобы изъ своей среды удалить тѣхъ, кто стремился вымести на свѣтъ Божій весь соръ.

Но духъ народный отстоялъ все это, такъ какъ вмѣстѣ съ появленіемъ православнаго духовенства началось и просвѣщеніе народа. Тогда то и нѣмцы взялись за легальное оружіе—клинъ клиномъ вышибать—и налегли на образованіе народа, который 600 лѣтъ держали во тьмѣ, но только опять въ своемъ духѣ, въ духѣ германизаціи латышей. Это однако послужило единственнымъ спасеніемъ мѣстныхъ народностей: гер-

манизація не удалась, а образованіе народа замѣтно поднялось, поднялось вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальное благосостояніе народа, поднялся и окрѣпъ народный духъ и вызвалъ введеніе реформъ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. (Предъ реформами была ревизія сенатора Манасеина. Довѣріе къ нему народа было велико, выразилось оно въ подачѣ многихъ прошеній, выяснившихъ всѣ нужды края. Протестъ нѣмцевъ выразился въ арестѣ 12 православныхъ учителей и др. за писаніе прошеній, а потомъ запретомъ псаломщикамъ, учителямъ и даже священникамъ писать какія бы ни было прошенія для крестьянъ).

Реформы 80-хъ годовъ можно назвать послѣднимъ ударомъ для всемогущества нѣмцевъ, «культуртрегеровъ» Прибалтійскаго края. Но и этотъ ударъ они не перенесли покорно, а пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы превратить реформы въ ничто и вернуть былые порядки и соединенную съ ними власть. Конечно, вся эта борьба противъ реформъ велась не такъ грубо и явно, какъ въ 40-хъ годахъ, но тайно и замаскировано.

Безправное положеніе народа до того развило недовѣріе къ «господамъ и притѣснителямъ»— нѣмцамъ, что онъ, еще не настолько развившись, чтобы ясно понять все окружающее, смотрѣлъ на всѣ предпріятія какъ со стороны нѣмцевъ, такъ и правительства съ крайнимъ недовѣ-

ріемъ. Это и было главнымъ тормозомъ при введеніи реформъ. Нѣмцы же, какъ и лютеранское духовенство, подмѣтивши этотъ духъ народа, начали теперь наигрывать на немъ и часто, прикидываясь благодѣтелями своихъ рабовъ, развивали недовѣріе къ правительству.

Такъ, они отшатнулись отъ реформированія школы и напѣвали народу про вредное вліяніе на него русскихъ школъ, а правительству о развращающемъ дѣйствіи этихъ школъ на народъ; къ новому суду развивали въ народѣ недовѣріе, а къ администраціи подозрѣніе.

Народъ не въ силахъ былъ критически отнестись ко всему этому и не могъ избѣжать этой ловушки нѣмцевъ, все это и привело къ тѣмъ ужасамъ, которые мы теперь переживаемъ.

Активная борьба мѣстнаго кореннаго населенія обнаружилась уже года три назадъ, началась она на почвѣ привиллегій нѣмцевъ, а именно патронатства.

Развившіеся латыши не могли перенести того, что пасторы все продолжали вѣками выработанное отношеніе къ народу и на всѣхъ перекресткахъ и въ киркахъ продолжали проповѣдывать о покорномъ несеніи нѣмецкаго гнета, и сильно возмущались тѣмъ, что они всѣми средствами стремились удержать народъ отъ образованія, въ особенности отъ средняго и высшаго;

не могъ народъ согласиться и съ тѣмъ, что они вносили въ вопросы религіи политику.

Протестъ противъ всего этого выражался при выборахъ новыхъ пасторовъ. Народъ желалъ имѣть пастора изъ мѣстныхъ уроженцевъ, или даже нѣмцевъ, но только хорошо знающихъ народный языкъ и относящихся къ политикѣ индиферентно, главное-же пасущихъ свое духовное стадо только на религіозно-нравственныхъ началахъ. Помѣщики же, видя въ этомъ ограниченіе своихъ привиллегій, не разъ по самодурству использовывали свои патронатскія права діаметрально-противоположно народному желанію и назначали именно того пастора, кого народъ не хотѣлъ. На такой почвѣ разыгрались нежелательные инциденты. Пасторы не принимались и были вводимы въ кирки съ помощью полиціи, какъ, наприм., въ Лубанѣ и въ другихъ мѣстахъ. Рѣдко народу удавалось отстоять свое стремленіе,—выбрать желательнаго пастора, такъ какъ консисторія и мѣстныя власти почти всегда защищали интересы нѣмцевъ. Понятно, все это оповѣщалось всему народу и черезъ печать. Ненависть народа къ нѣмцамъ начала все увеличиваться.

Дальше, народъ, обремененный налогами и большими выкупными платежами, началъ всматриваться въ систему раскладки налоговъ и всѣхъ повинностей и жаловаться на ихъ тяготу. И тутъ опять вмѣшались русскіе люди и стали на сто-

рону угнетаемыхъ, особенно великое спасибо нужно сказать, хотя и очень немногимъ, коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ, которые собрали статистическія данныя по особенно тяжелому подорожному налогу и повинности. Изъ этого матеріала ясно стала всѣмъ крайняя несправедливость въ этомъ дѣлѣ, гдѣ на крестьянъ, владѣющихъ $^1/_3$ земли, возложено повинности $^9/_{10}$, а помѣщики-нѣмцы, владѣющіе $^2/_3$ земли, несутъ только $^1/_{10}$ часть повинностей, и это продолжается какъ будто на законныхъ основаніяхъ уже столѣтія. Народъ сильно возбудился. Нѣмцы почуяли недоброе и сейчасъ же предприняли предосторожности: составили свои проэкты, начали работы по переоцѣнкѣ земли, причемъ въ переоцѣночныя коммисіи, для отвода глазъ, были приглашены и крестьяне. Но все это крестьяне приняли за комедію, во что дѣйствительно въ концѣ концовъ и обратилось.

Тутъ же вспомнилъ народъ и исторію съ кредитнымъ обществомъ, находящимся вполнѣ въ рукахъ нѣмцевъ. Это общество закабалило мелкихъ землевладѣльцевъ опять на полстолѣтія въ плательщики $4^1/_2\%$ на дворянскій капиталъ, какъ говорятъ, сумму въ тринадцать милліоновъ рублей, каковую почти насильно размѣстили на крестьянскую землю, какъ ссуду. Кто не хотѣлъ брать, тому грозили, такъ какъ дѣло велось полуофиціально, безъ вѣдома высшаго

начальства, но только при посредствѣ мѣстныхъ властей, которыя не разбирались въ хитрости дворянъ, а низшіе боялись противорѣчить. Народъ же, хотя и поздно, но все же и эту каверзу понялъ.

Тутъ подоспѣла несчастная русско-японская война. Какъ русскій, такъ и мѣстный народъ сразу съ недовѣріемъ отнесся къ этой войнѣ. Искусственно нужно было поддерживать энтузіазмъ народный, но что искусственно, то не долговѣчно... Все же сначала мѣстное населеніе съ явнымъ сочувствіемъ отнеслось къ горю отечества и, можно сказать, много пожертвовало и жизнями и матеріальной помощію. Пожертвованія на всѣ нужды войны сыпались обильно, но и въ этомъ дѣлѣ нѣмцы, какъ говорятъ, переусердствовали, и оказалось почти все насчетъ народа. Такъ Государемъ была изъявлена благодарность лифляндскому дворянству за пожертвованіе 80,000 рублей на Красный крестъ, но оказалось, что почти вся эта сумма была разложена на мелкихъ землевладѣльцевъ въ видѣ платы въ кредитное общество, плата въ это общество каждому хозяину увеличилась на нѣсколько рублей въ годъ. Народъ заплатилъ, а дворяне получили благодарность за вѣрноподданическія чувства. Тутъ же вспомнилъ народъ и о сборахъ въ киркахъ на заграничныя миссіонерскія общества, суммы эти уходили за гра-

ницу и, конечно, отчета никто не видалъ. Тутъ же народъ сознялъ всю тяжесть и другихъ сборовъ: на содержаніе пасторовъ, кирокъ и школъ, а также волостныхъ и общегосударственныхъ сборовъ. Отсюда и возникъ вопросъ о подоходномъ налогѣ.

Все это освѣщалось и разъяснялось въ періодическихъ изданіяхъ, народъ всѣмъ этимъ итересовался и прямо наэлектризовывался, видя себя всегда всюду и во всемъ въ дуракахъ. Проникли наконецъ въ народъ слухи изъ газетъ о тѣхъ неслыханныхъ безпорядкахъ и грабежахъ на войнѣ, каковыхъ не было еще въ исторіи человѣчества.

Въ такомъ положеніи и настроеніи народъ дождался 9 января 1905 г. въ С.-Петербургѣ и 13 января въ г. Ригѣ. Все это всколыхнуло и сельское населеніе. Начались въ городахъ забастовки и кровопролитія. Деревня все это переживала самымъ чувствительнымъ образомъ и выражала свои симпатіи всему тому, что способствовало начавшемуся освободительному движенію, въ которое, что ни день, все больше и больше вѣрилъ народъ; особенно эта вѣра укрѣпилась тогда, когда народъ созналъ, что манифестъ 17 апрѣля былъ какъ бы плодъ освободительнаго движенія. Однако всѣ сознавали, что жертвы превысили много разъ достигнутое, но это укрѣпило сознаніе, что хотя великими жерт-

вами, но все же кое-чего можно достигнуть. И вотъ причина тому, что всѣ способные къ борьбѣ бросились въ ряды борцовъ, и началась пропаганда освободительнаго движенія во всѣхъ слояхъ общества.

Забастовки, начавшіяся въ городахъ, въ промышленныхъ центрахъ, чрезъ агитацію перешли въ деревню. Выразились онѣ въ протестѣ мызныхъ рабочихъ противъ своего невыносимаго положенія какъ матеріальнаго, такъ и моральнаго. Во многихъ случаяхъ владѣльцы мызъ пошли на уступки и все улаживалось самымъ мирнымъ образомъ. Во многихъ случаяхъ требованія народа были поддержаны коммисарами по крестьянскимъ дѣламъ, особенно русскими по происхожденію.

Весь годъ шла по деревнѣ усиленная агитація:

а) Распространяли въ несмѣтномъ количествѣ прокламаціи самаго разнообразнаго содержанія, большею частію самаго разжигательнаго. Многія прокламаціи прямо свидѣтельствовали, что этимъ дѣломъ занялись люди совершенно незнакомые ни съ духовнымъ настроеніемъ и потребностями народа, ни съ его экономическимъ положеніемъ и правоотношеніемъ работодателей къ рабочимъ и обратно. Первое свидѣтельствовали тѣ прокламаціи, въ которыхъ главнымъ образомъ разрушалась вѣра — послѣдняя опора въ отчаяніи, и тѣ, въ которыхъ проповѣдывалось ниспроверженіе

Государя. Народъ въ своей массѣ не можетъ никогда остаться безъ вѣры, выраженной въ реальныхъ формахъ, и конечно никакія прокламаціи не уничтожатъ потребности народной души. То же самое, не о Царѣ и способѣ верховнаго управленія государствомъ болѣло сердце народа, а о томъ, чтобы облегчить свою горькую долю и добиться человѣческихъ правъ: не даромъ при всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ народъ устранялъ вопросъ о Царѣ и категорично заявлялъ: «это не наше дѣло, это дѣло русскихъ, дѣло москвичей, что скажутъ русскіе, что скажетъ Москва, съ тѣмъ мы должны согласиться, но намъ нужны только права и свобода въ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ и семейныхъ отношеній».

Насчетъ же экономическихъ правоотношеній почти весь народъ и сами рабочіе, если не разумомъ, то чутьемъ сознавали эфемерность прокламаціонныхъ бредней. При теперешнемъ экономическомъ положеніи платить сельскому рабочему 300 руб. жалованья въ годъ—это всѣ считали абсурдомъ; но о 8-часовомъ рабочемъ днѣ въ деревнѣ могъ говорить только тотъ, кто деревни не видалъ и съ полевыми работами совершенно не знакомъ.

б) Въ серединѣ лѣта начали устраиваться митинги во всей Лифляндіи. На митингахъ, какъ слышно было отъ народа, агитаторы разъясняли болѣе подробно всѣ тѣ вопросы, которые были

возбуждены въ прокламаціяхъ. Народъ, особенно молодежь, охотно посѣщалъ митинги, но большей частію все принималъ безучастно; въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ нѣкоторые смѣльчаки изъ простого народа вступали въ пренія съ агитаторами, особенно въ вопросахъ о вѣрѣ и наемномъ трудѣ, и доказывали всю несостоятельность агитаторскихъ рѣчей.

Къ стыду руководителей при преніяхъ, какъ гласила народная молва, они нерѣдко пользовались, какъ доказательствомъ правоты своихъ мнѣній, угрозами и дулами револьверовъ. Конечно все это народу не нравилось, только молодежь ко всему относилось съ энтузіазмомъ. Степенные же люди ко всему относились скептически и на все махнули рукою—перестали посѣщать митинги, чувствуя своимъ сердцемъ, что изъ неправды и не обоснованныхъ положеній ничего хорошаго выйти не можетъ. Понимали хорошо и то, что все это дѣлается только для возбужденія умовъ.

в) Паралельно съ этимъ начался бойкотъ пасторовъ и кирокъ. Пасторы, кто насильно, кто добромъ, были удалены съ приходовъ, а кирки превращены въ мѣста митинговъ.

Въ началѣ все это движеніе имѣло довольно мирный, спокойный характеръ. Но была объявлена усиленная охрана губерніи, и мало-по-малу

все принимало болѣе и болѣе обостренное положеніе.

Усиленная охрана выразилась въ слѣдующемъ: по нѣкоторымъ имѣніямъ были размѣщены отряды войскъ. Руководство надъ войсками было ввѣрено мѣстнымъ помѣщикамъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ выпросились быть помощниками начальниковъ уѣзда. Тотчасъ же нѣмцы начали хозяйничать—разоружать населеніе: отбирали все оружіе, велосипеды, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ говорилъ народъ, были отобраны топоры и даже ножики, поговаривали и объ отобраніи косъ. Во многихъ случаяхъ разоруженіе сопровождалось насиліемъ. Во внутреннихъ волостяхъ Лифляндіи начались какъ бы избіенія народонаселенія. Помѣщики прямо натравливали на латышей. Народъ страшно былъ этимъ возмущенъ, но хорошо сознавалъ, что все это дѣлается съ той цѣлью, чтобы заставить народъ выразить протестъ силою и тѣмъ имѣть возможность ходатайствовать о введеніи военнаго положенія. Долго крѣпился народъ. Только по мѣстамъ было оказано активное сопротивленіе, въ Сайковѣ, Праупенѣ, Марценѣ, гдѣ жители были выведены изъ терпѣнія.

Начались поджоги. Помѣщики утверждали, что народъ поджигаетъ, народъ же утверждалъ, что это дѣло самихъ помѣщиковъ, чтобы до-

биться введенія военнаго положенія. Такъ про поджогъ въ одномъ изъ имѣній сѣннаго сарая было опубликовано въ латышской гезетѣ, что поджогъ совершенъ мызнымъ сторожемъ, котораго видѣли, какъ онъ отошелъ отъ сарая, нѣсколько разъ выстрѣлилъ и направился къ имѣнію, а сѣновалъ началъ горѣть. Опроверженія этой кореспонденціи не послѣдовало и полицейскаго разслѣдованія тоже, покрайней мѣрѣ—народъ этого не знаетъ.

Вмѣстѣ съ войсковыми отрядами нѣмцы организовали самооборону. Для этого были приглашены и изъявили свое согласіе между прочимъ нѣмецкіе корпоранты-студенты, кромѣ того явились разные заграничные подданные, а въ концѣ концовъ и черкесы; руководить самообороной взялись почетные пристава-нѣмцы. Самооборона размѣстилась по имѣніямъ, по человѣкъ 8—10 въ каждомъ. Ночью никто не осмѣливался ни проходить, ни проѣзжать мимо имѣній, производился самый тщательный обыскъ каждаго, при чемъ нѣсколько человѣкъ взводили курки ружей и пистолетовъ и дула держали въ упоръ предъ обыскиваемымъ; этихъ пытокъ не избѣгали и дѣти. При поѣздкахъ самообороны по столбовой дорогѣ мимо проходящіе часто должны были испытывать ужасъ при видѣ направленныхъ на нихъ съ экипажей дула ружей. Все это дѣй-

ствовало на народъ самымъ возбуждающимъ образомъ.

Подъ охраною самообороны разъѣзжали всѣ бароны и ихъ семьи. Особенно торжественныя были поѣздки лифляндскаго ландмаршала изъ гор. Риги въ свое имѣніе и обратно. Его сопровождали до сорока вооруженныхъ молодцовъ и предъ его поѣздкою занимали опасныя позиціи по всей дорогѣ на протяженіи 9 верстъ отъ желѣзно-дорожной станціи до имѣнія.

Какъ все это дѣйствовало на умы людей, легко понять. Ко всему этому въ народѣ постоянно циркулировали слухи про угрозы нѣмцевъ, передавалась нѣмецкая фраза: «теперь мы ѣздимъ на четверкѣ кровныхъ лошадей, а скоро будемъ впрягать четырехъ латышей!» или «если бы у меня была власть, то я на протяженіи 9 верстъ повѣсилъ бы на каждомъ телефонномъ столбѣ по одному латышу!..», или подобныя восклицанія главныхъ воротилъ-бароновъ при переселеніи за границу: «когда мы пришли въ Лифляндію, то нашли пустыню, а теперь, оставляя ее, всѣ средства употребимъ, чтобы она превратилась бы въ такую же пустыню!»

Настало время открытыхъ митинговъ и составленія самыхъ разнообразныхъ петицій. Никто не отставалъ: различныя общества, волостные сходы, хозяева, рабочіе, учителя и т. д.,—всѣ составляли свои петиціи и съ великой надеждою

отправляли по назначенію. Мѣстныя власти всему этому вполнѣ способствовали. Почти всѣмъ обществамъ разрѣшали собранія, но планомѣрныхъ дѣйствій не было и это ввело разногласія, раздоръ и смуту, часто оканчивавшіеся кровопролитіемъ. Въ одной волости разрѣшали, въ сосѣдней не разрѣшали, одна инстанція разрѣшала, другая силою разгоняла сборища. Былъ случай: въ одной волости хозяевамъ былъ разрѣшенъ митингъ, устроенъ, петиція составлена и отправлена. Волостное правленіе, по требованію народа, созвало митингъ рабочихъ, но явился приставъ съ войсками и силою хотѣлъ разогнать. Народомъ было указано на Высочайшее приглашеніе всѣмъ выражать свои нужды, на разрѣшенный митингъ хозяевъ, было предложено господину приставу самому участвовать на митингѣ и даже руководить имъ, какъ человѣку болѣе образованному и интеллигентному. Къ счастью дѣло до крови не дошло, исключительно по интеллигентности г. пристава и довѣрія къ нему народа. Въ другихъ же мѣстностяхъ въ подобныхъ случаяхъ народъ былъ страшно избитъ. Все это на народъ дѣйствовало сильнѣе, чѣмъ самыя зажигательныя прокламаціи.

Тутъ подоспѣла поѣздка господина лифляндскаго губернатора по губерніи. Эта поѣздка оставила въ народѣ сильное впечатлѣніе. Встрѣчи были устроены самыя радушныя. Его ѣзда

безъ войскъ, его обращенie съ народомъ, его интересъ ко всѣмъ сторонамъ жизни были приняты народомъ безъ всякаго притворства и радушно и вселили въ народѣ много хорошихъ надеждъ.

Скоро послѣ поѣздки г. губернатора началось преслѣдованie православныхъ священниковъ со стороны революцioнеровъ. Сиссегальскiй священникъ о. Iоаннъ Лiйцъ былъ убитъ, какъ говорятъ, изъ мести, но въ точности не установлено кѣмъ. Родными покойнаго между прочимъ былъ указанъ, какъ подозрительный, одинъ иностранецъ изъ ближайшаго имѣнiя, совершенно чужой, который нѣсколько разъ вызывающе выслѣживалъ о. Iоанна и осматривалъ его домъ. Человѣкъ этотъ вскорѣ скрылся; а народная молва создала легенду о томъ, что этотъ незнакомецъ всегда появляется тамъ, гдѣ должно быть устранено непрiятное лицо, каковымъ, по своимъ сочиненiямъ въ высшей степени былъ покойный о. Iоаннъ Лiйцъ. Эта легенда держится и до сего времени, а о слѣдствiяхъ поисковъ полицiи ничего въ народѣ не слышно.

Далѣе движенie выразилось въ бойкотированiи священниковъ; такъ, лаудонскiй священникъ о. Грестманъ получилъ отъ митинга чрезъ волостное правленie запрещенie служить, пока самъ народъ не выберетъ его своимъ священникомъ. Буцковскiй свящ. Упитъ, керстенбемскiй свящ.

Федеръ, толкенгофскій свящ. Даукшъ насильно были обстрижены; кроппенгофскаго свящ. Колосова угрозою заставили покинуть приходъ—15 секундъ продержали предъ грудью заряженное боевымъ патрономъ ружье.

Въ такомъ положеніи находилось движеніе народа и таково было настроеніе предъ объявленіемъ, что вводится въ Лифляндской губерніи военное положеніе.

Разсказъ третій.

Для того, чтобы дать точныя свѣдѣнія о возникновеніи движенія въ нашей волости, необходимо бросить краткій взоръ на тотъ строй жизни и на тѣ отношенія между крестьянами и помѣщикомъ, какіе поддерживались нѣсколько лѣтъ назадъ при бывшемъ помѣщикѣ, такъ какъ только его, помѣщика, я считаю главнымъ виновникомъ всего происшедшаго, что по возможности и постараюсь доказать.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1901 г., когда хоронили брата нынѣшняго помѣщика фонъ К., всѣ крестьяне нашей волости высказали живѣйшее сочувствіе къ покойному, который, хотя и былъ такой-же помѣщикъ, какъ и всѣ другіе, все-таки давалъ крестьянину жить, не снималъ съ него, какъ говорится, послѣдней рубашки, какъ это дѣлалъ его намѣстникъ. Сочувствіе крестьянъ къ покойному выразилось въ устройствѣ торжественныхъ проводовъ: по дорогѣ къ кладбищу было поставлено нѣсколько увитыхъ зеленью арокъ съ со-

чувственными надписями, произносились надгробныя рѣчи такого же содержанія. Словомъ, было сдѣлано все, чѣмъ только можно было почтить память покойнаго.

Еще передъ смертью фонъ-К., когда онъ лежалъ больнымъ, въ его имѣніи, какъ уполноченный сталъ распоряжаться Р. фонъ-К., нынѣшній владѣлецъ этого имѣнія. До этого времени крестьяне-арендаторы жили безъ какихъ-либо законныхъ контрактовъ и имѣли только такъ называемыя «арендныя книжки», въ которыхъ помѣщикъ отмѣчалъ уплаченную сумму аренды. Въ томъ же 1901 году около Яковлева дня, который въ Лифляндіи празднуется 25 іюня, всѣмъ арендаторамъ было отказано, при чемъ управляющій объявилъ, что желающимъ и впредь арендовать свой участокъ будутъ выданы законные контракты, а кто контракта не возьметъ, тотъ немедленно будетъ выселенъ изъ усадьбы, какъ незаконно ею пользующійся, и она будетъ отдана тому, кто возьметъ контрактъ.

Само собою разумѣется, что никто не желалъ оставить собственными руками устроенный уголокъ земли, надъ которымъ даже дѣды его трудились и проливали свой потъ, въ то же время возводя жилыя и прочія сельско-хозяйственныя зданія въ полной увѣренности, что плодами трудовъ ихъ будутъ пользоваться и сами они, и потомки ихъ. Теперь же приходилось или оста-

вить этотъ, съ такими трудностями устроенный уголокъ, или же подписать предлагаемый контрактъ, по которому рѣшительно все добровольно отдавалось помѣщику.

Крестьяне сначала не хотѣли подписывать контракты, но потомъ, боясь разсердить «милостиваго помѣщика», подписали ихъ. И этою своею подписью арендаторъ теперь отдалъ помѣщику все, что до сихъ поръ по закону принадлежало ему, отдалъ все свое добро, добытое такими громадными трудами имъ самимъ и даже дѣдомъ его; этою самою подписью была уничтожена вся самостоятельность крестьянина. Теперь арендаторъ сталъ вполнѣ зависимъ отъ милости помѣщика, который этого только и ожидалъ.

Крестьяне-арендаторы должны были начать выполнять полученные контракты уже съ 23-го апрѣля 1901 г. Наступили неурожайные 1902 и 1903 гг., когда чрезмѣрною сыростью и ранними морозами были попорчены посѣвы. Законъ, конечно, предвидѣлъ такіе чрезвычайные случаи и заступался за крестьянина, но предусмотрительный помѣщикъ тоже не упустилъ ихъ изъ виду: посредствомъ добровольнаго соглашенія онъ обошелъ извѣстный законъ и всю бѣду взвалилъ на и такъ обнищавшаго арендатора.

Наступили сроки уплаты аренды, но нечего и было думать объ уплатѣ, такъ какъ даже въ

урожайные годы арендаторы оставались въ долгу у помѣщика, гдѣ же теперь было взять денегъ на уплату аренды; поневолѣ приходилось просить его объ отсрочкѣ. Помѣщикъ упорно настаивалъ на точномъ исполненіи контракта, въ противномъ случаѣ грозилъ судомъ, а послѣ суда, ужъ извѣстное дѣло, недалеко и до молотка—ну, тогда и ходи по міру съ сумочкой черезъ плечо.

Помѣщикъ, впрочемъ, не тотчасъ исполнилъ свою угрозу, но почему-то медлилъ, вѣроятно не хотѣлъ порвать тѣхъ хорошихъ отношеній съ крестьянами, которыя установились при его предшественникахъ. Однако долго не могъ стерпѣть «милостивый» фонъ. Нашлись конечно и основательныя причины, къ которымъ можно было придраться.

Усматривая, что сильно развившееся пьянство въ помѣщичьихъ корчмахъ, которыхъ въ нашемъ приходѣ, состоящемъ изъ четырехъ небольшихъ волостей, насчитывалось цѣлыхъ девять, ведетъ къ матеріальному разоренію, нравственному паденію и губитъ здоровье, нѣкоторые изъ крестьянъ нашей волости, желая хоть немного ограничить пьянство, рѣшили въ 1904 г. начать вести съ нимъ борьбу. Въ этихъ видахъ хотѣли было открыть общество трезвости, но такъ какъ не всѣ, особенно же болѣе всего поддавшіеся пьянству, могли рѣшиться отка

совершенно отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, то сдѣлали такого рода постановленіе, въ силу котораго всѣ подписавшіе обѣщали не пить спиртныхъ напитковъ въ помѣщичьихъ корчмахъ, въ случаѣ же нарушенія даннаго обѣщанія обязывались платить по 3 р. за каждый случай въ пользу бѣдныхъ волости. Постановленіе это было представлено комиссару по крестьянскимъ дѣламъ, который, не находя въ немъ ничего противозаконнаго, далъ отвѣтъ, что подписавшіе его имѣютъ полное право взыскивать черезъ судъ пеню съ нарушителей.

Этотъ поступокъ вышеупомянутыхъ крестьянъ привелъ въ такое раздраженіе помѣщика Р., что онъ, лишь только узналъ о немъ, не замедлилъ тотчасъ показать свое могущество: 1) всѣхъ арендаторовъ, оставшихся у него въ долгу, онъ передалъ мировому суду для взысканія аренды, заявивъ притомъ имъ отказъ въ дальнѣйшемъ арендованіи; 2) отъ собственниковъ потребовалъ немедленной уплаты по облигаціи; 3) подписавшимъ помянутое постановленіе отказывалъ въ продажѣ лѣса для какихъ-бы то ни было надобностей, приговаривая: «это я дѣлаю ради тѣхъ бунтовщиковъ, которые дали обѣщаніе не пить въ моей корчмѣ»!

Многіе изъ крестьянъ-арендаторовъ въ большой тревогѣ ждали, что вотъ-вотъ застучитъ молотокъ и уцѣлѣвшее ихъ имущество будетъ

продано съ публичнаго торга, а сами они должны будутъ обратиться въ безземельныхъ батраковъ и бросить на произволъ судьбы своихъ малолѣтнихъ дѣтей, сѣдыхъ, а подъ часъ и безпомощныхъ отцовъ и матерей. Въ такой тревогѣ прошло до марта мѣсяца 1905 г. 17-го марта арендаторы собрались въ волостномъ домѣ для обсужденія своего рокового положенія и изысканія возможнаго выхода изъ него. Послѣ основательныхъ переговоровъ рѣшили обратиться къ господину начальнику губерніи и просить у него защиты черезъ своихъ уполномоченныхъ, коими тутъ же и были избраны крестьяне М. и К. По желанію арендаторовъ, уполномоченные до поѣздки въ Ригу обратились къ помѣщику съ просьбою уменьшить аренду, а за неурожайные годы и совсѣмъ сложить ее, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что крестьянину, получающему всѣ рессурсы отъ земли, не откуда взять денегъ на уплату аренды, когда земля не родитъ не по его оплошности, а по неблагопріятнымъ стихійнымъ явленіямъ природы. Помѣщикъ на это отвѣтилъ: «это дѣло принципіальное и я вашего заявленія не принимаю, я тоже не виноватъ, что были неурожаи, а потому уменьшить аренду не могу». Послѣ этого, именно 29-го апрѣля, уполномоченные М. и К. представились господину начальнику губерніи. Выяснивъ на основаніи документовъ систематическое эксплоатированіе помѣщикомъ крестьянъ-

арендаторовъ и захватъ ихъ трудовъ посредствомъ хитро составленныхъ контрактовъ, а также указавъ на то, что крестьянинъ поневолѣ долженъ будетъ превратиться въ грабителя, если у него отобрать полувѣковые кровные труды его, М. и К. просили господина начальника губерніи войти въ ихъ положеніе и принять ихъ и довѣрителей ихъ подъ свою защиту. Выслушавъ М. и К., господинъ губернаторъ отпустилъ ихъ со слѣдующими словами: «мои милые, сейчасъ я не могу дать вамъ отвѣта потому, что это не въ моей власти, я сдѣлаю для васъ все возможное и въ скорѣйшемъ времени извѣщу васъ; поѣзжайте теперь домой и скажите остальнымъ, чтобы они не дѣлали ничего незаконнаго, въ противномъ случаѣ и я ничѣмъ не могу помочь вамъ». Вернувшись домой, уполномоченные въ точности передали слова г. губернатора своимъ довѣрителямъ, которые, узнавъ о его благосклонности къ нимъ, ожили духомъ и въ полной увѣренности, что хоть отчасти будетъ улучшено ихъ роковое положеніе, обѣщали приложить въ свою очередь всѣ старанія къ тому, чтобы ничего незаконнаго не происходило у нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они рѣшили не платить помѣщику аренды до полученія отвѣта отъ г. губернатора.

Прошло нѣсколько недѣль; въ волости все было въ образцовомъ порядкѣ. По дорогамъ иногда валялись разбросанные листки нелегальной ли-

тературы, но на нихъ никто не обращалъ вниманія. Но вдругъ ко всеобщему удивленію мѣстныхъ жителей въ одинъ майскій день въ имѣніе прибыли казаки и расквартировались тамъ...

Волостное общество выбрала депутата Эдуарда Юрова для принесенія господину министру внутреннихъ дѣлъ отъ имени волостного общества просьбы о защитѣ населенія. Такіе же депутаты были выбраны изъ другихъ волостей прихода. Принося просьбу, депутаты вмѣстѣ съ тѣмъ указывали именно на то, что разныя насилія—это дѣло помѣщиковъ, которые хотятъ возбудить народъ для того, чтобы очернить его передъ правительствомъ и добиться такихъ реформъ въ краѣ, которыя вернули бы имъ прежнія привилегіи и чтобы вся власть оставалась въ ихъ рукахъ.

Господинъ Треповъ, который въ то время былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, почти ничего не выслушалъ отъ депутатовъ вышеозначенныхъ волостей, но, прервавъ ихъ, сказалъ угрожающимъ тономъ: «если есть у васъ казаки, то есть и безпорядки, а если они не прекратятся, то пошлю къ вамъ казаковъ въ два, въ три, въ пять и даже въ десять разъ больше. Теперь можете итти, прощайте»!

Послѣ всего этого народъ потерялъ всякое довѣріе къ начальству, отъ котораго назначались фоны-помѣщики на разнаго рода должности по-

лицейскихъ чиновниковъ, которые вывели народъ изъ терпѣнія и ввели его въ полнѣйшую деморализацію. Никто больше не надѣялся на точное соблюденіе законовъ, ибо на каждомъ шагу приходилось видѣть незаконныя дѣйствія со стороны добровольно прикомандировавшихся къ полиціи помѣщиковъ, совершаемыя во имя закона, отъ которыхъ у видѣвшихъ все это волосы становились дыбомъ. Вслѣдствіе такихъ репрессій со стороны помѣщиковъ появились шайки революціонеровъ, которые стали истреблять поджогами мызные дома и имущество.

Повсюду шли революціонные пропагандисты, которые доказывали, что существующія волостныя правленія никуда не годны, ибо рабски исполняютъ лишь волю бюрократіи и помѣщиковъ. Вышелъ манифестъ 17-го октября. Въ началѣ ноября былъ въ Ригѣ конгрессъ волостныхъ старшинъ и писарей, который принялъ резолюцію, чтобы до 10 декабря были выбраны новыя волостныя правленія на демократическихъ основаніяхъ, которыя будутъ отвѣтственны передъ народомъ и не смѣютъ быть слугами помѣщичьихъ интересовъ. Послѣ этого одинъ митингъ слѣдовалъ за другимъ и на нихъ происдили выборы новыхъ властей.

Стали распространяться слухи, будто помѣщики организуютъ шайки чеоносотенцевъ, которые придутъ убивать крестьянъ и жечь ихъ

усадьбы. И вотъ въ нѣсколькихъ митингахъ послѣ такихъ баснословныхъ разсказовъ единогласно порѣшили: организовать для самозащиты такъ-называемую милицію, которая стерегла бы волостной домъ и могла бы предупреждать народъ о приближающихся черносотенцахъ.

2-го декабря, когда имѣніе было уже сожжено революціонерами, туда прибылъ представитель новаго волостного правленія и употребилъ всѣ усилія, чтобы спасти все то, что еще уцѣлѣло, приказалъ мызнымъ батракамъ стеречь уцѣлѣвшіе дома и имущество, а на другой день разослалъ по всей волости инструкціи за своей подписью, въ которыхъ указывалъ, что всякій, кто только приметъ участіе въ поджогахъ и грабежахъ, будетъ подвергнутъ строгому наказанію. На объявленіе такого содержанія приказа представитель новаго волостного правленія былъ принужденъ тѣмъ, что стали распространяться слухи, что въ скорѣйшемъ времени будутъ жечь еще уцѣлѣвшіе мызные дома, корчму и фольварки, каковыхъ въ имѣніи четыре. Послѣ этого къ помѣщику былъ отправленъ депутатъ, который объявилъ ему о всемъ случившемся. Помѣщикъ черезъ депутата далъ словесное и письменное позволеніе и приказъ управляющему мызными лѣсами продать мызное имущество и выплатить жалованье батракамъ. Управляющій мызными лѣсами Бренцъ просилъ

представителя волостного правленія, чтобы послѣдній помогалъ въ продажѣ и поддержалъ нужный порядокъ. Такъ какъ ходили слухи, что въ день публичнаго торга явятся революціонеры конфисковать вырученные деньги за проданное имущество, то представитель, во избѣжаніе всего этого, пригласилъ въ помощь себѣ извѣстныхъ ему молодыхъ людей и велѣлъ имъ въ день публичнаго торга притти на мѣсто торга по возможности при оружіи.

Все было продано, деньги управляющій Бренцъ Р. въ присутствіи вышеупомянутаго представителя волости и его стражи, роздалъ въ счетъ жалованья подъ расписку мызнымъ батракамъ.

Между тѣмъ помѣщикъ Р. черезъ господина фонъ-Б. позже сообщилъ начальнику карательнаго отряда, что всѣ деньги, полученныя отъ продажи имущества съ публичнаго торга, забрали представитель волости и его кассиръ и удрали за границу. Вотъ до чего доходитъ нашъ «милостивый помѣщикъ» въ денунціаціи!

Въ заключеніе всего этого считаю нужнымъ прибавить, что своихъ цѣлей достигли: 1) помѣщики и 2) революціонеры. Первые насиліями желали вызвать возмущеніе народа противъ правительства и этого они вполнѣ достигли. Революціонеры тоже отчасти достигли своей цѣли. Никакой агитаторъ-революціонеръ своими рѣ-

чами не могъ бы достигнуть такихъ блестящихъ успѣховъ въ смыслѣ пропаганды, какъ это сдѣлали казаки своими нагайками, ибо не даромъ въ народѣ казаки назывались «народными учителями»!

VIII.

Нѣмцы имѣютъ за собой 800 лѣтъ фактическаго владѣнія Прибалтійскимъ краемъ. Если латышскій простолюдинъ интеллигентнѣе русскаго крестьянина, то этимъ онъ обязанъ прежде всего нѣмцамъ. Они имѣютъ за собою заслугу культивированія всего края, подъема его экономической жизни, промышленности и торговли. Пресловутая лойальность остзейскихъ помѣщиковъ вопросъ спорный. Я лично полагаю, что она существуетъ только до тѣхъ поръ, пока правительство опекаетъ ихъ земельные и сословные интересы. Лойальность эта не помѣшала нѣкоторымъ помѣщикамъ вступать въ сношенія съ революціонерами, отказывать въ пріемѣ на постой войскъ и приносить на нихъ неосновательныя жалобы, колеблющія авторитетъ воинскихъ частей,—послѣднее конечно тогда, когда острая форма безпорядковъ миновала, благодаря дѣйствіямъ тѣхъ-же войскъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что прибалтійскіе нѣмцы нѣкоторой частью своей прошлой дѣятельности

заслужили право на извѣстное вниманіе правительства къ ихъ нуждамъ, и отнестись снисходительно къ системѣ вооруженнаго изгнанія нѣмецкихъ землевладѣльцевъ изъ края никакъ не можетъ входить въ его планы. Но нужно быть справедливымъ и къ латышамъ. Въ интересахъ русской государственной власти—привязать къ себѣ лишній милліонъ людей разумными и благожелательными реформами. Можетъ быть нигдѣ не приложима въ такой мѣрѣ политика золотой середины, какъ именно въ Прибалтійскомъ краѣ, и нигдѣ не дала бы она такихъ положительныхъ результатовъ, какъ здѣсь. Но прежде, чѣмъ думать о реформахъ, нужно поставить правительственную власть въ краѣ на надлежащую высоту, вернуть ей поколебленный авторитетъ и обезпечить ей симпатіи лучшей части какъ нѣмецкаго, такъ и латышскаго общества, — овладѣть общественнымъ мнѣніемъ страны. А для этого нужно твердое выполненіе разъ принятой правительственной программы, безъ уклоненій въ нѣмецкую или латышскую сторону, быстрое разрѣшеніе текущихъ вопросовъ и энергичное ихъ выполненіе, и привлеченіе къ административной дѣятельности честныхъ и способныхъ русскихъ людей. А главное необходимо требовать отъ агентовъ власти не слѣпого исполненія законовъ, а дѣятельной иниціативы, работы духа. На *томъ* берегу—талантли-

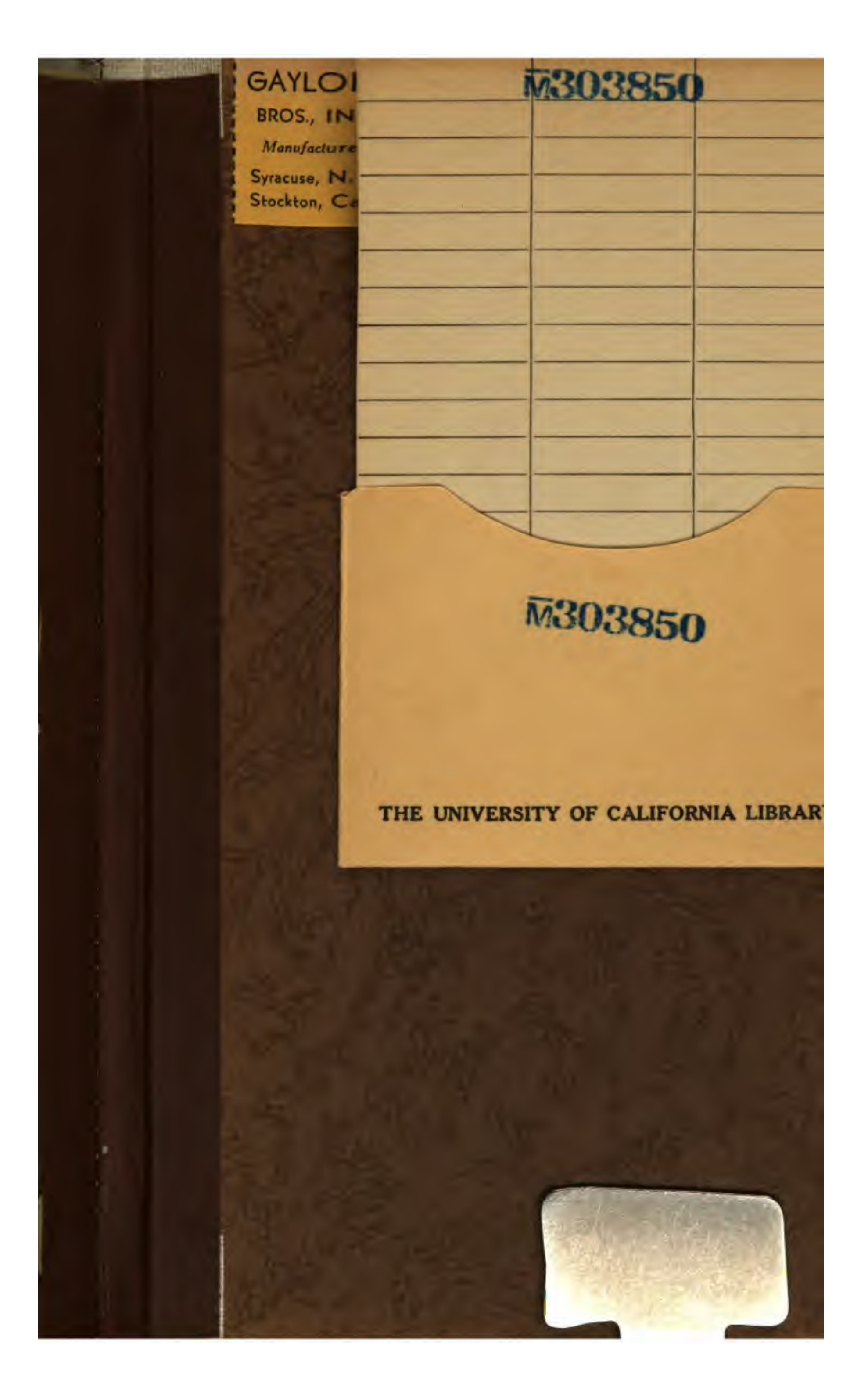
вость темной силы, смѣлость до дерзости, логика дѣйствій и благосклонный нейтралитетъ общества, отуманеннаго ловко пущенными въ оборотъ трескучими фразами, истинный смыслъ которыхъ—горчайшее изъ рабствъ, рабство свободы и цѣна—цѣна крови цѣлыхъ поколѣній. На *нашемъ*—отсутствіе авторитета, нерѣшительность, боязнь иниціативы, колебаніе и чаще всего жалкая бездарность, бьющаяся въ судорогахъ благихъ желаній, переходящихъ въ полный параличъ власти, какъ только дѣло доходитъ до реформъ и выходитъ изъ области дѣйствій карательныхъ экспедицій.

Дайте волю духу, дайте волю творчеству, безъ этого нѣтъ успѣха и нѣтъ воскресенія, нѣтъ прощенія былымъ ошибкамъ и грѣхамъ! Бумажнымъ моремъ и чернилами нельзя бороться съ надвигающейся опасностью тевтонскаго нашествія на нашу западную прибрежную полосу: скоро, очень скоро латыши въ отчаяніи сами бросятся въ крѣпкія нѣмецкія руки. Они будутъ правы съ своей точки зрѣнія. Ставъ нѣмецкими подданными, они найдутъ законную защиту своихъ требованій: умная нѣмецкая государственная власть прежде всего обуздаетъ помѣщичій произволъ и тѣмъ быстро привяжетъ къ себѣ лишній милліонъ вѣрноподданныхъ во славу своего крѣпкаго «Vaterland'а». Я пишу эти строки кровью своего сердца, но что-же дѣ-

лать? Одинъ за другимъ меркнутъ блестящіе бриллiанты русской земли и младшіе сыны ея готовы разорвать дерзкою рукой своей ея священныя тысячелѣтнія ризы...

Я не претендую на исключительное знаніе бытовыхъ условій Прибалтійскаго края и на малѣйшую авторитетность въ рѣшеніи вопроса о прочномъ его успокоеніи. Но очутившись по волѣ судьбы въ самомъ пеклѣ во время разгара безпорядковъ и пробывъ въ этомъ пеклѣ болѣе десяти мѣсяцевъ, пришлось видѣть очень многое. То же самое увидѣлъ-бы на моемъ мѣстѣ и всякій другой, обладающій способностью не закрывать глаза на событія. Много лжи, горя и слезъ, широкая рѣка слезъ, цѣлое море горькихъ человѣческихъ слезъ прошло предо мною. Невозможно было не понять, что такъ жить, какъ жилъ народъ до сихъ поръ въ этомъ многострадательномъ краю, — нельзя. *Но нельзя жить и такъ, какъ живетъ онъ теперь. Нужны, до боли нужны реформы, хотя-бы начало реформъ, но ихъ пока еще нѣтъ и «возъ и нынѣ тамъ». Да и то еще счастье, что «тамъ», а не двинулся назадъ. Похоже на то, что колеса его начинаютъ скрипѣть въ обратную сторону...*

Цѣна 75 коп.


GAYLO
BROS., IN
Manufacture
Syracuse, N.
Stockton, C
M303850
M303850
THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRAR